И. ЕЖОВЕР

ГН 55
Е 358

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ К СОЦИАЛЬНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

И. ЕЖОВЕР

РЕПУБЛИКАНСКИЙ
БЮРО

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ К СОЦИАЛЬНОЙ

(ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

ГН55
Р
Е 358

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
12/09
26 102684

Главлит № 17.891. Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий" Издательства „Красная Новь". Пименовская ул., 1/16.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Брошюра Игнатия Ежовера о польском революционном движении со времени первого раздела до начала рабочей революции, ведущей к организации коммунистической партии и к борьбе за осуществление программы, ближе всего подходит к литературному типу памфлета, то-есть такого полемического произведения, которое пользуется научными средствами для агитационных целей. Это—памфлет против польского феодального и буржуазного национализма в защиту пролетарского интернационализма.

Но, кроме того, это такой памфлет, который впитал в себя литературные традиции польской политической литературы, начиная с Адама Мицкевича, традиции романтизма и символизма.

Современный читатель не привык к символической манере в обсуждении вопросов коммунизма, и поэтому в некоторых местах брошюра И. Ежовера произведет на него несколько странное впечатление своим глубоко своеобразным, часто поистине художественным стилем изложения. В общем и кратком обзоре политических судеб Польши за полтора столетия эпизод, например, с Лукашинским занимает непропорционально много места. Но Лукашинский—символ. История его пожизненного погребения в Шлиссельбурге рассказана автором, как символическое изображение погребения целого народа в тюрьме царской России. С другой стороны,

программа освобождения Польши через посредство интернационального рабочего движения, стремящегося к диктатуре пролетариата, освещена изложением первых шагов партии «Пролетариат», на внешний взгляд, бегло и отрывочно. Но и в данном случае задача автора—дать символическое обозначение главных путей, с которых не может сойти освобождающаяся Польша, если она хочет действительной, а не буржуазной свободы.

Романтические традиции польской революционной литературы обнаруживаются в чрезвычайно высокой оценке Мицкевича, которого автор считает радикалом, почти социалистом. От романтизма происходит художественный уклон, благодаря которому отдельные части памфлета поднимаются на высоту революционной художественности.

Надо иметь в виду, что мы имеем дело не с чисто-политическим и не с чисто-научным произведением, а с памфлетом, притом написанным автором, если не входящим в коммунистические ряды, то, по крайней мере, пришедшим к коммунизму, как к неотвратимому пути освобождения рабочего класса, а через него всего человечества и той части человечества, которая живет в границах Польши.

При всем своем отвращении к национализму, при непримиримом отношении к национальной программе, являющейся, по мнению И. Ежовера, или пережитком далекого прошлого, или программой шляхты в недавнем минувшем, или современной программой закрепощения Польши капиталистическим интересам, все же,—и читатель в этом сам убедится,—памфлет И. Ежовера насквозь проникнут национальным польским духом. Только поляк, выстрадавший муки своего народа, чтобы понять их, и понявший, чтобы преодолеть их, в состоянии написать такой памфлет, полный художественных образов, непримиримой страстности и,—опять-таки!—символической любви к Розе Люксембург,—«красной розе» или «огненному столбу», ведущему свой народ через пустыню к обетованной стране коммунизма.

Разумеется, то решение национальной проблемы Польши, которое выдвигает И. Ежовер, имеет значение только до тех пор, пока перед польским пролетариатом стоят отрицательные цели борьбы, отрицание власти капитализма и его националистической идеологии. Коммунистическая социальная революция, осуществляя свои положительные задачи, не сметет начисто польскую национальность, но обеспечит возможности ее высшего развития в рамках Советской Социалистической Польской Республики, как равноправного члена Союза таких же республик. Впрочем, теоретический взгляд автора обращен не в будущее, а в прошлое. Памфлет подводит итоги.

1. Не было недостатка в предостережениях.

Предупреждающие голоса тонули в шуме разгулявшейся пьяной шляхты. Она ссорилась, хваталась за сабли, болтала о «золотой свободе». От 1652 до 1736 года было распущено двадцать шесть сеймов. Постановлений не было вынесено. Вынесенные постановления срывались протестом единственного члена сейма. Тринадцать сеймов были сорваны правом «вето». Неустройство в стране разрасталось. Народная нищета становилась все более вопиющей, гнет и насилие—невыносимыми. Государственные границы были беззащитны. Чужеземные войска проходили через страну, поджигали, грабили. В 1739 году фельдмаршал Миних ведет русскую армию против турок через Польшу. Австрия в Семилетнюю войну зовет Россию на помощь, и военная дорога ведет через Польшу. Если Фридрих Великий нуждался в солдатах, он насильно вербовал польских крестьян, или же польские магнаты сами продавали своих крепостных прусскому королю.

Народ погибает, а Феликс Потоцкий приказывает для своей третьей жены, гречанки Софьи Челиче, разбить парк, который обходится в 20 миллионов. (По ее имени названный парк воспет Трембецким в его поэме «Софиевка»). Крестьянин не считает своей собственностью землю, которую он обрабатывает, потому что земля с выстроенной на ней жалкой хатой с убогой соломенной крышей принадлежит господам. Феликс Потоцкий владеет двадцатью четырьмя городами, тремястами сорока деревнями. Умирая, он оставляет состояние в сто миллионов. Его старший сын проигрывает из отцовского наследства двадцать миллионов в карты, ибо

сыновья, как и отец, расточительны и бессовестны. Магнаты Потоцкие, Чарторыйские, Понятовские, Сапеги, Радзивиллы породнились между собой, но ссорятся, потому что каждый заявляет притязание на первенство, стремится достигнуть господствующего влияния, расширить его, приобретать почести и раздавать их своим ставленникам. Чтобы добиться своих целей, они не разбираются в средствах, служат интересам иноземных держав, примыкают к Франции или становятся приверженцами России. Если дело идет о руководящем положении и выгодах, они готовы подписать договор не только с иноземцами, но хотя бы с самим чортом.

Тщеславие, честолюбие для них выше блага родины. Феликс Потоцкий был противником конституции 3-го мая (1791 года), на основах которой должно было быть произведено переустройство государства, и поэтому он, как генерал-фельдмаршал предательской Тарговицкой конфедерации, просит военной помощи у Екатерины. Сто тысяч русских солдат вторгаются в Польщу, потому что польскому аристократу понадобилось сто тысяч штыков против собственной страны. Анонимно вышедший на немецком языке памфлет под заглавием: «Отрывок из Тарговицкой библии, или история сотворения мира Феликсом Потоцким», написанный, вероятно, поэтом Немцевичем, клеймит позором его недостойное поведение: «И сказал Феликс: да не будут мною даваться и возвещаться никакие законы и приказания, кроме тех, которые будут получены мною из Санкт-Петербурга».

«Что повелит мне сделать императрица, то и сделаю я, и что запретит она мне, тому я беспрекословно подчинюсь».

«И сказал Феликс: да покорится польская армия русской, и русская армия пришла и наполнила всю польскую землю».

Чужеземные войска приходили и оставались. Магнаты проиграли родину. Екатерина не была мелочна. Она не торговалась. Она платила деньгами, награждала орденами, ставила на должности, с которыми были связаны огромные доходы, и не один только Адам Понинский был возведен тогда в княжеский сан. Не успевали записывать на памятной доске все эти презренные имена. Иуда мертв, но поко-

ление Иуды не умирает в Польше. В одной из своих драм Словацкий говорит о преступлении, требующем наказания. «Они продали свою страну московитянам, эти предатели!.. И лишь тогда воскреснет страна, когда под топором палача скатится столько же голов их потомков, сколько рублей получили они из русской казны».

Уже Август III стал королем по происками России и на ее средства. Патриоты хотели возвести на трон поляка. Их кандидатом считался Лещинский, но посланник Левенвольде заявил, что Россия не признает выборов, если пройдет Лещинский. К этому заявлению от имени своего правительства присоединился австрийский посланник Вильчек. Лещинский приходился родственником Людовику XV (он был его тестем), а Франция не должна была вмешиваться в польские дела, не должна была оказывать никакого влияния на польскую политику.

В начале октября 1733 года, через три недели после выбора Лещинского, враждебной ему партией, опиравшейся на поддержку России, королем был провозглашен Август III. Русские солдаты под командой генерала Ласси обеспечили его выборы. Лещинский вынужден был отречься от престола; утвердился Август III, а вместе с ним русское влияние. Это было время упадка, нравственной распущенности, политического бессилия. Короли, приглашенные из Саксонии, Август II и его наследник, несут свою долю ответственности за то, что положение становится трудным, хаотическим, неразрешимым. «Под властью саксонского короля пей, ешь и распоясывайся»,—гласила поговорка. Согласно ей поступали и в жизни.

Край бездны был уже близок.

Соседние государства систематически препятствовали каждой попытке восстановить порядок в стране. Они уже смотрели на Польшу, как на верную добычу. И добыча досталась им тем легче, чем больше было дезорганизации, чем слабее становилась страна. Разногласие существовало только по вопросу о том, кто получит наибольшую долю добычи. Жажда России к земельным приобретениям была безгранична, но Австрия и Пруссия обладали не меньшим аппетитом.

Фридрих Великий и Иосиф II опасались, как бы Екатерина не захватила всей Польши. На совещании в Нише (1769) оба они пришли к соглашению о разделе Польши, и принц Генрих, брат Фридриха Великого, отправился в Петербург, чтобы побудить Екатерину согласиться на выработанный план раздела.

Екатерина отказывается.

Она сама в состоянии справиться со всей Польшей.

Дело в том, что в Польше правит не Станислав-Август Понятовский, которого Екатерина приказала выбрать королем после смерти Августа III, но от имени Екатерины распоряжается русский посланник генерал-майор князь Николай Репнин. Король делает все, что приказывают ему, и посланник имеет возможность сообщать в Петербург, «что король без колебаний принимает все наши предложения».

Станислав-Август Понятовский был любовником Екатерины еще в то время, когда она была женой престолонаследника, от императрицы он получает королевскую корону, и это не случайность, что его коронование совпадает с днем тезоименитства Екатерины, 24 ноября 1764 года. Рассказывают, что древняя корона Болеслава Храброго, которую примас должен был возложить на него, была предварительно выложена ватой, потому что оказалось слишком большой. Вскоре оказалось, что и древний королевский скипетр был для него слишком тяжел.

Станислав-Август обладал слабым характером. В решительные моменты он совершенно терялся. Он покорно выполнял все, что ему подсказывала Россия, был покорным орудием в руках Репнина, а после него в руках посланника барона Штакельберга. Если случалось, что он делал попытку освободиться от русского давления, его запугивали угрозой лишения престола, и этого было достаточно. Он находился даже в моральной зависимости от России, ибо Екатерина заплатила за него денежные суммы, одолженные им в русской государственной казне.

Екатерина рассчитывала присоединить к России всю Польшу, уверенная, что ей не придется делиться с Пруссией и Австрией. Ее ставленник сидел на престоле. Ее партия в

сейме была достаточно сильна, на всех собраниях шляхты подкупленные личности вели агитацию за «великую союзницу» и,—что самое важное,—в Польше стояла русская армия, готовая поддержать своим давлением все пожелания.

Но Пруссия и Австрия ждали только предлога, чтобы вмешаться.

Предлогом для вмешательства послужило покушение на короля.

Часть шляхты создала в Баре в феврале 1768 года конфедерацию против России. Эта партия, враждебная России, выступила и против короля. Было провозглашено даже его низложение с престола, но так как это постановление не имело никакого успеха, то было решено прибегнуть к открытой силе (1771). Предполагалось отправить Станислава-Августа из Варшавы в Ченстохов, чтобы там принудить его к отречению от престола. Заговорщикам стало известно, что 3-го ноября король намеревается провести вечер у канцлера Чарторыйского. На обратном пути, когда король проезжал по Медовой улице, на него было сделано нападение. Его посадили на лошадь. Заговорщики окружили его и поскакали из города. По дороге в темноте они растерялись, и с королем остался только известный Кучма. Королю удалось уговорить его и освободиться. В растерзанной одежде, покрытый грязью, с исцарапанным лицом, в растрепанном парике, вернулся ранним утром король в свою резиденцию.

Станислав-Август известил европейские дворы, будто было совершено покушение на его жизнь. Пруссия и Австрия ответили на это, что они не в состоянии спокойно вынести оскорбление, нанесенное его величеству, что они не могут допустить оскорбления священной личности монарха. Они должны получить гарантии в том, что их царственный собрат будет чувствовать себя в безопасности на польском троне. Если необходимо, будут найдены средства и пути, чтобы восстановить порядок в стране, где совершаются такие неслыханно чудовищные дела... Это пришлось выслушать Екатерине.

Императрица поняла...

Австрия старалась вступить в соглашение с Турцией. Фран-

ция поддерживала Барскую конфедерацию, посылала деньги, вооружение и генералов, в частности Дюмурье и барона де-Вьомениля. Тучи сгущались на польском небе, Екатерине пора было начать переговоры.

Пруссия и Австрия должны были получить удовлетворение, чтобы в дальнейшем не испытывать беспокойства: Екатерина согласилась на раздел Польши.

6 февраля 1772 года Екатериной и Фридрихом Великим был подписан в Петербурге договор о разделе, и еще в тот же месяц к нему присоединилась Мария-Терезия.

По этому договору получили:

Австрия—1.700 квадратных миль с населением в 2.580.000 душ.

Россия—1.585 квадратных миль с населением в 1.206.000 душ.

Пруссия—629 квадратных миль с населением в 860.000 душ.

Таким образом, в сравнении со своей первоначальной территорией в 15.979 квадратных миль Польша потеряла 3.914 квадратных миль, а ее население, насчитывавшее приблизительно 12 миллионов, сократилось до 4.646.000 душ.

Договоры, начинающиеся обращением к святой троице, обосновывали необходимость раздела тем, что соседние державы хотели защитить себя от анархии в Польше и должны были получить гарантии. Однако, оккупанты намеревались облечь насилие в одежду права и потребовали, чтобы Польша признала раздел. Польский сейм должен был выразить согласие на отторжение областей, занятых, между тем, военной силой. Оккупанты имели возможность купить сторонников для проведения даже такого плана. Не за тридцать сребренников, а за ежемесячный определенный оклад в три тысячи золотых дукатов Адам Понинский стал во главе тех, кто за деньги, чины и обещания готов был голосовать за предложение о разделе. Напрасно при открытии сейма его член Тадеуш Рейтен провозглашает торжественный протест. Его мольбы и угрозы не в состоянии ни смягчить, ни запугать, и когда он бросается на пол и кричит собирающимся покинуть зал заседания депутатам: «Только через

мое тело вы переступите по пути к гибели!», этот человек не в состоянии помешать выйти или хотя бы задержать предателей, бросившихся к выходной двери, наступая на тело, в котором еще было живо национальное достоинство.

18 сентября 1773 года выбранная сеймом делегация подписывает три договора. Области, отторгнутые Россией, Австрией и Пруссией, признаются за ними, а через два месяца король ратифицирует договоры отречения.

Но это только первая рана. За ней должна последовать другая, еще более смертельная.

Чужеземные силы не встретили никакого сопротивления при захвате. Вступившим в занятые области войскам не пришлось сражаться. Шляхта согласилась отдать Львов австрийскому императорскому дому. В Полоцке она высказалась в том духе, в каком четырнадцать лет спустя великий гетман Браницкий совершенно откровенно заявил Екатерине на приеме в Каневе: «Я—русский». Король прусский тоже приобрел новых верноподданных.

До начала распада Польшу еще могли спасти реформы. Можно было еще призвать на помощь, найти свежие силы, не поздно было пробудить во всех слоях населения сознание, что население страны должно быть заинтересовано в ее судьбах. Этого можно было достигнуть уничтожением всех преимущественных прав и привилегий, присвоенных шляхте, и перенесением прав на мещанство и крестьянство. Более проницательные умы понимали это и делали попытки провести в жизнь. Французская революция и ее идеи не остались без влияния. Ее самые умеренные, как и самые радикальные требования нашли своих сторонников в Польше.

Были созданы комиссии, которым было поручено обсудить форму государственного устройства и «кардинальные права». Король теперь становится на сторону реформаторов и думает, что лозунгом: «Король идет нога в ногу с нацией» он может укрепить свою власть. И действительно, патриотическая партия выбрасывает лозунг: «Нация на стороне короля». Против надменной, уверенной в своей силе, надутой своими привилегиями шляхты Станислав-Август пытается опереться на буржуазию и ее партию.

Так было провозглашено подготовляемое в Польше освобождение третьего сословия, которому должны были быть предоставлены такие же права, какими владела знать. Священник Гуго Коллонтай (польский аббат Сийес) и Иоанн Декерт стали во главе движения. Но все реформаторские планы, выкованные в «кузнице» Коллонтая, все благонамеренные требования и резолюции клубов, все объемистые мемуары, в которых исторически и философски обосновывались требования прав, бесчисленные, большей частью анонимные, политические брошюры со ссылками на божественный закон равенства, переполненные осуждением, опровержением и насмешками над предрассудками, и даже открытые или затаенные угрозы революцией привели к чрезвычайно своеобразному результату.

В то время, как французское национальное собрание уничтожило наследственные права знати и, по докладу Ламбеля, запретило ношение титулов (постановление 19-го июня 1790 года), польский сейм начинает «нобилитировать» буржуазию. В течение двух последних месяцев 1790 года более четырехсот буржуа были переведены в знатное сословие. Закон 18-го апреля 1791 года, вошедший в конституцию 3-го мая, как ее третий параграф, устанавливает, что в каждую сессию сейма тридцать мещан должны получать дворянское звание. Таким способом должно было проявиться уважение к заслугам, способностям и талантам буржуазии. Гербы стали приманкой, на которую ловили честолюбцев. И вообще приобретение дворянского звания было облегчено специальным законом. Буржуазные владельцы такого количества земли, что они платили достигающие определенной высоты налоги, офицеры, достигшие чина полковника, канцелярские крысы, достаточно долго протиравшие стулья,—все они на будущее время получали право заявлять притязания на вступление в ряды знати. Таким образом, стремление к уравнению граждан обезвредилось и потеряло смысл. Если нельзя было заставить дворян опуститься на буржуазную землю, то, по крайней мере, многие буржуа могли вознестись на дворянское небо.

Однако, приходится все же признать, что законы, называе-

мые обычно конституцией 3-го мая, во многих отношениях расширили права буржуазии, введя известного рода демократизацию,—ведь, не отказали же ей в своем признании Сийес и Берк, а Мену воздал им должную похвалу во французском национальном собрании,—но преобразование было недостаточно глубоко, оставались неопреодолимые препятствия, и прогресс совершался крайне медленно.

Уже тем фактом, что параграф второй сохранял за шляхтой все старые преимущественные права и привилегии, эта каста закрепила за собой свое исключительное положение, свою руководящую, господствующую роль.

Самое существенное: крестьяне не были освобождены от крепостной зависимости. Правда, положение крестьянства было несколько улучшено, был несколько смягчен гнет, под которым в дальнейшем должен был жить крестьянин, но коренных перемен, необходимых или, как можно было бы выразиться, само собой разумеющихся, не произошло. Создатели конституции сами чувствовали, что они здесь не могут приказывать: конституция взывает к чувствам землевладельцев, рекомендует хозяину быть милостивым по отношению к крестьянину. Прежде всего необходимо отметить, что этот призыв остался совершенно безрезультатным, хотя отдельные землевладельцы были настолько милостивы, что смягчили тяжести барщины, уменьшили чинш, но общее положение крестьянства от этого нисколько не изменилось. Достаточно вспомнить, что на сто душ населения в то время приходилось 72 крестьянина. Крестьянство, как класс, должно было и в будущем оставаться под гнетом барщины.

Шляхту недолго удовлетворяло положение, при котором она только оставалась у власти. Она хотела, чтобы у власти не было никого, кроме нее. Прекрасно, что она оставалась в обладании всеми своими правами! «Золотая свобода» приносила счастье, но лишь до тех пор, пока можно было неограниченно наслаждаться правами и беспрепятственно властвовать над всеми остальными. Эту господскую точку зрения шляхтичи сохранили и в дальнейшем.

«Скажите,—восклицает один польский магнат в драме Словацкого,—испытывал ли кто-нибудь из вас райское блажен-

ство? Разве не чувствует он себя высшим существом, когда крестьяне его деревни почитают его, как божество, и своим животным инстинктом ощущают в нем высшее творение природы? Да будут прокляты безумцы, которые хотят лишить грядущие поколения этого ореола, этого наследия, обеспечивающего счастливую участь этого блаженства, начинающегося с колыбели и заканчивающегося величием мраморного надгробного памятника!». Но шляхетское величие кончилось, когда новые права были дарованы мещанам. Разве не изданы уже такие законы, после которых крестьянское быдло не станет больше припадать к ногам и целовать им руки? Это уже переворот; эти идеи явились из Парижа, люди уже надевали красные колпаки и разнюхивали, не пахнет ли кровью. Было предъявлено требование, чтобы французский посланник Декорш покинул Варшаву, и оно было удовлетворено. Ржевуский пророчил королю участь Карла I. Пугать участью Людовика XVI в тот момент было еще рано...

В решающем заседании 3-го мая против проекта конституции заявлялись слезные протесты; депутат Сухожевский бросился на колени перед королем, разорвал на себе одежду и жаловался, что происходит революция, грозящая Польше гибелью. Он угрожал, что убьет себя и своего маленького сына, которого привел с собой, что лучше смерть, чем позорная жизнь под новой конституцией. Выражения и жесты остаются одними и теми же: позор, смерть, сжатые руки...

В том же заседании конституция была принята во втором чтении. Король присягнул конституции. В этот день победила патриотическая партия. И все-таки раздавались крики «виват», торжественное «Te Deum», гремели пушечные салюты, и пылала иллюминация. Конституция была принята голосованием в сейме, и ей присягнули в соборе св. Иоанна; было уничтожено liberum veto, и объявлен врагом отечества каждый, кто осмелится нарушить конституцию, а тот, кто предпримет что-нибудь против нее,—изменник и бунтовщик. Но противников конституции ничем нельзя было запугать. Магнаты привыкли ставить на карту все и сдавать карту тоже на все.

Феликс Потоцкий объединил реакционеров. В Тарговицах

была создана конфедерация (14-го мая 1792 года). Ее генерал-фельдмаршалом был провозглашен сам Потоцкий. Сговорившись заранее с Екатериной, обратились к России за военной помощью. Тарговицкие конфедераты,—среди них вынырнул тот самый Сухожевский, который не мог пережить провозглашения конституции,—потребовали отмены конституции 3-го мая, восстановления упраздненных ею законов и прежде всего восстановления liberum veto.

Две русские армии вступили в пределы Польши. Польское войско насчитывало 45 тысяч. Было решено довести ее состав до ста тысяч, чтобы сравнять по количеству с русской армией, но дальше постановления не пошли, потому что нехватало денег. Переговоры с Голландией о тридцатимиллионном займе провалились. Фридрих-Вильгельм II, который в конце марта 1790 года заключил оборонительный союз со Станиславом и должен был в случае военного нападения на Польшу оказать ей помощь, был приглашен к выполнению этого договора. Он отвечает, что с ним не советовались, провозглашая конституцию. Хотя он уговорился в Пильнице с австрийским императором не предпринимать ничего против конституции, но и в ее пользу он тоже ничего не намерен предпринимать. Дело в том, что договор 1790 года, проведенный усилиями ловкого прусского посланника Лукезини, имел своей единственной целью помешать союзу Польши с Россией после первого раздела. Кабинетным войнам, которые велись тогда, предшествовала кабинетная политика, не брезгавшая никакими средствами. Интриговали, предлагали, запрашивали, обещали, отказывались. У дипломатов было достаточно работы, а народы истекали кровью. Поучительно отметить, что те самые державы, которые сообща набросились на Польшу, немедленно же после первого раздела проявили величайшее желание иметь в ней друга и союзника, но каждая держава хотела этого для себя и против всех остальных. (Эта игра повторяется вечно. Меняется только искуситель. Та же самая политика продолжается вплоть до наших дней:—призыв великого князя Николая, державы Центральной Европы, Франция,—по существу дела не изменилось почти ничего). Как много обе-

при Ц.К. В.К.П. (б.)

щал Бухгольц от имени своего короля в Варшаве, как-раз когда в Каневе Екатерина встретилась с Августом для переговоров о союзе! С какой готовностью пруссаки обещали помочь,—на границе уже стоит прусский корпус и выступит когда-угодно,—как много говорил посланник в своем усердии, но теперь, в решительный момент, все сразу становятся холодны и недоступны...

Получив отказ от Фридриха-Вильгельма II, Станислав-Август пытается начать переговоры с Россией. Но Екатерина диктует требования. Король вынужден вступить в соглашение с Тарговицкой конфедерацией, жертвуя конституцией. Король отрекается от патриотической партии, прекращает реформы и нарушает свою клятву верности конституции. В июле 1792 года он примыкает к Тарговицкой конфедерации, конституция 3-го мая аннулируется, опять вступает в силу liberum veto, и законы, которыми гарантированы буржуазии ее права, объявляются лишенными силы.

Это—триумф реакции. Кастовый дух победил. Совершается то, чего требуют охранители традиций и привилегий, то, что в ч е р а составляло содержание и смысл эпохи. Старые учреждения снова в силе вместе с предрассудками, гнетом, шляхетским невежеством и произволом. И много раз еще будет случаться, что реформа или даже переворот, революция, превращается в свою собственную противоположность, долго еще останутся за работой те же силы, которые тормозят и мешают, и не в одном только данном случае уместно цитировать из «Пана Тадеуша», эпической поэмы Мицкевича, слова: «Мне знакомы-знакомы эти голоса: это—Тарговицы...».

Тарговицкие конфедераты объявили, что они ведут в Польше борьбу против якобинства, против духа революции, чтобы истребить его, и с демократов будут сорваны их фригийские колпаки. Замечательно, что соседние государства сейчас же перехватывают эти лозунги. Фридрих-Вильгельм тоже собирается обезопасить Пруссию от якобинской заразы и для этого посылает в Польшу своих солдат.

Замешательство в стране идет на пользу Пруссии и России.

Условия благоприятствуют новому расчленению Польши.

В январе 1793 года Пруссия и Россия заключают договор о втором разделе. Согласие Австрии приобретено заранее, тем более что она воюет с Францией и неспособна к активному вмешательству. Следовательно, на этот раз Австрия уйдет с пустыми руками, в особенности потому, что при первом разделе она получила больше всех.

По второму разделу:

Россия захватила 4.620 квадратных километров с населением в 3.011.000 душ. Пруссия захватила 1.061 квадратный километр с населением в 1.136.000 душ.

За Польшей осталось 6.384 квадратных километра с населением, если предположить прирост населения на 20% после первого раздела, в пять миллионов душ.

И это насилие было утверждено узурпаторами. Сопротивление собравшегося в Гродне сейма, не признавшего раздела и даже потребовавшего ухода прусских войск, было сломлено силой. Русский посол Сиверс приказал занять зал заседаний вооруженной силой, арестовать оппозиционных депутатов и провел выборы делегации, уполномоченной подписать договор с Россией, закреплявший раздел. 22-го июля делегация подписала продиктованный ей договор, согласно которому к России отходят захваченные ею области, и в следующий месяц сейм ратифицировал его.

Теперь очередь за Бухгольцем. 2-го сентября здание сейма снова было окружено вооруженной силой, были заняты выходы, в зале заседания появились офицеры и солдаты, допросили депутатов, не имеют ли они при себе оружия. Затем генерал Раутенберг занял место рядом с креслом председателя и потребовал, чтобы было вынесено решение. Через двенадцать часов Бухгольц получил требуемую делегацию. Но заключение договора замедляется, потому что делегаты соглашаются подписать договор с Пруссией лишь после его предварительного обсуждения в сейме, согласно данной им инструкции. В виду этого, немедленно применяется испытанный способ принуждения. Депутаты, которых считают вождями оппозиции, подвергаются аресту и отправляются прочь из Гродны. Затем сейм окружается солдатами. Офицеры, орудия, генерал Раутенберг на кресле около трона,—

все, как полагается. В виде протеста против насилия сейм отказывается начать заседание. Под вооруженной охраной депутаты остаются в зале, но заседание не происходит. Так проходят часы за часами. Около четырех часов утра Раутенберг угрожает, что средства насильственного воздействия, находящиеся в его распоряжении, еще не исчерпаны, и что он их намерен незамедлительно пустить в ход. Тогда президент зачитывает предложение, согласно которому делегаты могут подписать договор о разделе без его обсуждения в сейме. Но вопрос, согласны ли депутаты с предложением, остается без ответа. Президент повторяет вопрос,—молчание. Он спрашивает в третий раз,—не слышно ни звука. Депутат Анквич, впоследствии повешенный во время восстания Косцюшки, объявляет, что предложение принято единогласно,—никто не возражал, молчание есть знак согласия.

Так кончается заседание «немого сейма».

Два дня спустя (25-го сентября) делегаты подписывают договор, и Пруссия присвоивает области, которых она добивалась.

После этого насилия Польша вынуждена была заключить с Россией еще один договор,—союзный. Она была поставлена под протекторат. В случае войны польские войска должны поступить в распоряжение русского командования, при чем в мирное время число солдат ограничивается 15-ю тысячами.

Насилию был дан ответ насилием.

Вспыхивает восстание, руководителем которого выступает Косцюшко.

Тадеуш Косцюшко принимал участие в американской освободительной войне. Он получил от национального конгресса свободных Соединенных Штатов Северной Америки чин генерала «в награду за долгую, верную и честную службу». Он стал потом почетным гражданином Французской Республики и в течение нескольких месяцев, проведенных в Париже, куда он приехал вскоре после гильотинирования Людовика XVI, наблюдал за развитием революционного движения.

Он признал, что восстание может произойти только при участии народа и с его помощью.

Но разве народ заинтересован в деле свободы? Разве свобода, за которую он должен сражаться,—его свобода? Разве станет сражаться мещанин, у которого отняты права, признанные за ним конституцией 3-го мая, как и крестьянин, у которого не приходилось отнимать прав, потому что он вообще их никогда не имел? Неужели государственная независимость была господским делом, совершенно безразличным для крестьянина? Разве его грубая рубаха меньше пропитывается трудовым потом, на его руках меньше мозолей, если вместо Екатерины на престоле сидит Станислав-Август? Разве кнут не остается кнутом, и перестают сыпаться его удары, разве несправедливости и угнетению придет конец?

Косцюшко обращается к мещанам и крестьянам с призывом начать борьбу за Польшу. «Народ должен чувствовать,—пишет Косцюшко,—что он улучшит свой жребий, если начнет борьбу с врагом, что его положение в Польше, спасенной от рабства, будет гораздо счастливее, чем в Польше, где властвует чужеземец».

Манифест мещан Краковского воеводства от 24-го марта 1794 года, после перечисления насильственных действий и описания пережитого бесправия, призывает к вооруженному восстанию и заканчивается словами о том, что надо признать великую истину: «Благо народа есть высший закон».

Едва только цепи будут разбиты, едва только будет положен конец насильственному владычеству чужеземных держав, и угнетатель будет изгнан из страны, как сейчас же установится государственная форма правления, «которая во всех делах должна будет высказать суверенную волю нации».

Мещане и крестьяне взялись за оружие.

Во время защиты Варшавы, когда восстание уже не имело будущего, в рядах бойцов было восемнадцать тысяч крестьян и пятнадцать тысяч мещан. При Косцюшке крестьяне и мещане были впервые привлечены к военной службе. До этого времени война была в Польше господским делом, шляхетской привилегией, забавой и игрой дворянина. Энергия иссякла, горячая кровь охладилась, жажда приключений и опасностей утихла. Но на этот раз война уже не была кадрилью, которую дворяне привыкли танцовать с турками или

шведами. Война стала восстанием, борьбой за свободу, и в ней приняли участие народные массы. В победоносной битве при Рацлавицах Косцюшко был обязан своим успехом крестьянам, сражавшимся косами, саблями и пиками. Адальберт Бартос (Словацкий), крестьянин, не учившийся военному делу, захватил вражескую артиллерию.

Восстание началось снизу. Организатором восстания в Варшаве был сапожник Иоанн Килинский.

Народ принял участие в революции.

Теперь-то настал момент, когда надо было провозгласить лозунг: «С народом и для народа!». И это не осталось бы простыми словами. Они были бы претворены в дело.

Но этого не случилось.

В письме к княгине Чарторыйской Косцюшко клянется: «Бог свидетель, что мы не затеяли новой французской революции». Поэтому не было никакой конституанты, никакого провозглашения равенства и прав человека. Косцюшко говорит: «Сражайтесь, а государственный порядок, права,—все это явится позже». Он не уничтожает крепостной зависимости крестьян. Этим вопросом должен заняться законодательный сейм, который соберется по окончании восстания. В приказе, изданном лагере у Поланца, Косцюшко говорит, что крестьяне должны, поскольку с них снята часть барщинных работ, с тем большим усердием отрабатывать остальную барщину. Бунтовщикам, возбуждающим крестьян против помещиков, он угрожает заключением в тюрьму и наказанием.

Ему была передана верховная власть, но он старался избегнуть каких бы то ни было диктаторских мероприятий и не издавал ни одного постановления, выходящего за пределы конституции 3-го мая. Он постоянно предупреждает против каких бы то ни было незаконных шагов. Надо ждать сейма, который все уладит. Он проклинает насильственные действия. При взрыве революции в Варшаве народ поставил виселицы и вздернул на них нескольких тарговицких конфедератов. Большинство реакционеров успели спастись и находились в безопасности в Петербурге, Берлине и Вене. Те, кого удалось захватить, были наказаны, «как предатели оте-

чества». Косцюшко самым решительным образом отверг народное правосудие и безусловно запретил применение террора. «Нам угрожает враг еще более страшный, чем чужеземные войска,—объявляет он.—То, что вчера имело место в Варшаве, наполнило мое сердце горечью и болью». Он, сам пришедший к власти путем восстания, заявляет по данному случаю: «Тот, кто достигает правительственной власти незаконным путем, должен считаться нарушителем общественного порядка, он—бунтовщик и, как таковой, должен быть наказан». Такова трагическая раздвоенность революционера, в дни мятежа жаждущего покоя и стремящегося найти порядок в перевороте.

Создалась легенда о Косцюшке. Его память чествуется, как память освободителя польского крестьянства. Буржуазные историки содействовали распространению такого мнения, чрезвычайно преувеличивая меры, которыми Косцюшко облегчил положение крестьянства. Но если без предубеждения подвергнуть критике приказ, изданный Косцюшкой в лагере у Поланца 7-го мая 1794 года, то из его четырнадцати статей выясняется следующее:

Косцюшко восстановил действие конституции 3-го мая и поставил крестьян под защиту правительства (статья I).

Он уменьшил количество барщинных повинностей. Крестьянин, которому приходилось работать на помещика пять или шесть дней в неделю, теперь ограничивался двумя днями. Кто работал два-три дня, тому барщина была сокращена на один день. Кто еженедельно отдавал помещику два или один день труда, должен был работать один день в две недели. Таково было облегчение, к тому же ограниченное во времени, потому что сокращение барщины имело силу только на время восстания (статья III).

Крестьяне, призванные на военную службу, освобождались от барщины, но по возвращении домой они снова должны были работать на помещика (статья V).

Кроме того, крестьянам были прощены недоимки по налогам и сборам. На причиненные помещиками обиды и несправедливости они получили право жаловаться.

Это реформа, но вовсе не освобождение.

Во многом, если внимательно присмотреться, облегчение было иллюзорно. Разве можно было требовать работы на помещика от крестьянина, призванного на военную службу? Разумеется, крестьянин, служивший у Косцюшки, не мог одновременно работать на помещика.

В этом приказе Косцюшко позаботился об интересах помещиков. Он остерегался нарушить право собственности, сохранил крепостное право, а, ведь, он изучал произведения Руссо и вместе с ним сознательно и сочувственно отвергал крепостное право. Он был европейцем, представителем культуры эпохи «просвещения». Как частный человек—друг крестьян, как государственный деятель—реальный политик, «считающийся с обстоятельствами». Крестьянская рубаха, которую он стал носить после битвы при Рацлавицах, не была для него театральным костюмом. Он отпустил на волю своих собственных крепостных крестьян. Если бы власть была в его руках, он то же самое должен был бы сделать для всего крестьянства. Всеобщее освобождение крестьянства он должен был бы мотивировать теми же словами, которыми он объяснял свой личный поступок: «Убежденный в той истине, что крепостное право враждебно естественному праву и государственному благу, объявляю полное уничтожение крепостного права в своем имении Сехновиче, находящемся в Литве и Брестском воеводстве, от имени своего и всех будущих владельцев, на вечные времена. Объявляю всех крестьян принадлежащей мне деревни свободными гражданами и полноправными владельцами земель, которые им до сих пор принадлежали. Объявляю их свободными, без всякого исключения, от всяких податей и личной службы, которыми они были обязаны владельцам замка и поместья. Во имя их собственной пользы и государственного блага призываю крестьян озаботиться устройством школ и просветительных учреждений».

Укажем вкратце ход восстания.

24-го марта 1794 года Косцюшко принял в Варшаве на Круглом плацу присягу от войск, и сам принес присягу в том, что не злоупотребит своей властью и использует ее «для основания всеобщей свободы». 4-го апреля он наносит

поражение русским войскам при Рацлавицах; революция перебрасывается в Варшаву (17-го апреля) и в Вильну (22-го апреля). 18-тысячный русский гарнизон вынужден очистить Варшаву. В июне повстанческие войска потерпели поражение при Щекоцине и Холме. Краков был занят русскими войсками, Варшава подверглась двухмесячной осаде, но 6-го сентября противник вынужден был отступить. Косцюшке пришлось иметь дело с сильным противником, имевшим в своем распоряжении большие массы войск, надвигавшихся к тому же с разных сторон. Чтобы помешать соединению армий Суворова и Ферзена, Косцюшко 10-го сентября преграждает путь противнику при Мацевицах. Он терпит поражение. Число убитых и взятых в плен очень велико. Сам Косцюшко ранен и взят в плен. Сообщение, будто после поражения он воскликнул «Finis Poloniae!» («Конец Польше»), недостоверно.

Сопротивление врагу становится безнадежным. 4-го ноября армия Суворова берет приступом предместье Варшавы—Прагу. Тысячи людей изрублены, потоплены в Висле. Не было пощады женщинам и детям. Безжалостное избиение сопровождалось поджогами, грабежами, погромами.

Варшава капитулировала.

Станислав-Август во время восстания Косцюшки был кроток, как агнец. Он только жаловался, что на вновь отчеканенной монете не было его изображения, и что прекратились доходы в его пользу, связанные с чеканкой монеты. Теперь, в письме к Екатерине он умоляет о милости к себе и своему народу (в таких случаях короли не забывают о своем народе) со стороны «великой триумфаторши». Екатерина приказывает Станиславу-Августу явиться в Гродну, и там совершается лишение престола, которым она угрожала уже давно. Он вынужден отречься от престола и (снова в день тезоименитства Екатерины, 24-го ноября 1795 года) подписывает это отречение,—по роману Крашевского, «после внутренней борьбы». В Гродне, а затем, после смерти Екатерины, в Петербурге он влачит бесславное существование, как и подобает лишенным трона царям.

Что осталось от Польши после двух разделов, должно

быть поделено теперь на три части. Из-за добычи торгуются, долго не могут притти к соглашению.

3-го января 1795 года Россия заключает с Австрией договор о разделе Польши, но только 25-го октября удается ей договориться с Пруссией.

По третьему разделу:

Россия захватила 4.553 квадратных километра с населением в 1.170.000 душ.

Пруссия захватила 997 квадратных километров с населением в 1.000.000 душ.

Австрия захватила 834 квадратных километра с населением в 1.000.000 душ.

На этот раз уже не пришлось добиваться утверждения грабежа.

Государство польское прекратило свое существование.

Нация была насильственно порабощена.

Разделы были трижды совершенным беззаконием.

Раны залечить нельзя было.

Но политика разделов должна была быть отомщена.

Началась эпоха европейского замешательства.

2. За грехи отцов.

Иосиф Флавий рассказывает, что священники и народ были предупреждены. Знамения предвещали разрушение Иерусалима. Звезды и метеоры, ночные сияния, шум, голоса. Одержимый вопиял: «Я—голос против города, голос против храма, голос против мужей и жен, голос против всего народа!». Медные ворота храма внезапно распахнулись.

Но после разрушения,—согласно древней легенде,—господь спустился к своему городу и, когда увидел, что не осталось камня на камне, воскликнул: «Нет у меня дома на земле!». Он пришел к пожарищу, обошел развалины храма, лобзал стены, обнимал колонны, ласкал обожженные огнем ворота, низвергнутые алтари, вопиял: «Погибло мое владычество!» и скорбел о храме, как о покойнике.

Только после того как Польша потеряла свою независимость, начались жалобы..

Родина была положена в гроб и погребена. Жизнь была, как в доме, где траур. Повсюду трупное зловоние. Мрак. Что пользы в отчаянии, в руках, воздетых к небу. Настал конец. Поэт Княжнин недоумевал, как можно было переносить такую жизнь.

Раскаяние не искупает вины.

Долгий путь искания предстоял впереди. Еще предстояли тяжкие казни; ужасы и ужасы были в будущем. Надо было платиться за грехи отцов.

Настало время покаяния за грехи отцов.

Не то, чтобы тарговицкие конфедераты внезапно изменились. Не все сразу предстали в сиянии, очищенными от грехов, в белых одеждах. Не исполнился срок, когда патриотический агнец будет пастись рядом с тарговицким львом. Но пробудились моральные силы, возросло количество людей, высоко держащих голову и не сгибающихся, знающих свои силы и свою душу, сознающих свои права и обязанности, за себя и за других.

Изменись, стань другим!

Надо было переломить себя, изменить самую сущность свою, предать погребению ветхого человека в себе, нового человека поднять из гроба и возвысить.

«Густав скончался... И се родился Конрад»,—так пишет о себе в одной поэме Мицкевича человек в момент возрождения. Он похоронил мертвых в себе. Кто неспособен на это, не сдвинется с места, и пусть поет хвалебные псалмы покою, жаждет неподвижности, безмятежности.

Живые действуют и добиваются, оживляют и обновляют.

Бросьте усталых, идите вперед!

Если народ в этом смысле не может до глубины переродиться, с ним все кончено, хотя бы он еще не потерял своей национальной и политической независимости. Он погибнет. Но возрождение не означает, что от состояния бессилия народ переходит к прежним силам, к побежденным ошибкам, чтобы сделать их победоносными ошибками. Перемена выражается в том, что появляются новая мощь, новая доблесть.

Отныне в Польше будут развиваться новые силы. Она проявит революционную инициативу.

Отныне не будет в Европе такого освободительного движения, в котором не приняла бы участия Польша. Повсюду, где открыто ведется борьба за освобождение, поляки будут там, и они будут вместе с теми, кто вступает в тайный союз для свержения старого строя. Они будут пропагандировать революционные идеи, разносить их по всем странам, деятельно поддерживать повстанцев, подниматься на баррикады с призывом: «За нашу и за вашу вольность!».

Ведь, когда освободятся народы Европы, не может быть угнетенной Польши. Оправдается лозунг на знамени поляков, сражавшихся в 1795 году за Цизальпинскую республику: «Свободные люди—братья!».

Маркс видел в поляках воинов свободы, борцов за политическую независимость, за социальное равенство.

Освободительная борьба велась за общее дело.

Сражались за Польшу, защищая первую французскую республику, сражались в Италии за Италию и Польшу вместе, везде находилось место, где надо было бороться за всеобщее освобождение. Таким образом, пока народы сражались за свою национальную независимость, изменилась поставленная цель борьбы. Национальная независимость превратилась в интернациональную, национализм завершился интернационализмом.

Пришли к убеждению, что интересы всех народов совпадают, и что борьба за них должна вестись сообща. Так-называемый «Священный союз» правительств должен смениться поистине священным союзом народов. Во всех странах, таким образом, борьба должна была вестись за одно и то же дело.

Географически существует большое различие между Познанью, Сицилией и маленькой баденской страной, между этими областями пролегает много границ, но для Людвига Мерославского, который в 1848 году стоял во главе восстания сначала в Познани, затем в Сицилии, и, наконец, в Бадене, это были не разные земли, а одна и та же напоенная кровью земля, на которой должен жить свободный человек.

О значении участия поляков в героической борьбе за Коммуну, можно судить по тому, что Тьер считал победу версальских войск и взятие Парижа сильно затрудненными тем обстоятельством, что пришлось иметь дело с поляками. Защита Ком-

муны и военное руководство находились в руках Ярослава Домбровского и Валериана Врублевского. Домбровский пал в уличном бою, а относительно Врублевского историк Дюбрейль в «Социалистической истории», выходящей под редакцией Жореса, сообщает, что если бы такие вожди были всюду, уличные битвы длились бы не неделю, а, по крайней мере, целый месяц.

Если окинуть общим взглядом борьбу за духовное освобождение человечества, то повсюду можно встретить поляков среди преобразователей человечества, как теоретиков, так и деятелей.

Поляки тоже прошли свой путь от утопий, через науку к действию.

Польские эмигранты, и среди них Станислав Ворсель, образовали в 1836 году в Портсмуте сен-симонистскую общину. Иоанн Чинский и Станислав Братковский развивали и пропагандировали в своих произведениях социалистические идеи Фурье, а Каликст Вольский сделал попытку осуществить фурьеризм в жизни и основал в 1851 году в Техасе социалистическое образцовое общежитие. Неважно, что эта коммуна-колония, как и многие другие, не могла сохраниться и погибла: основное значение имеют работа пионеров, новый общественный договор, чувство общественности.

Когда в Техасе Кабе вновь основал коммунистическую общину «Икарию», поляк Людвиг Круликовский заменял «отца» в редактировании журнала «Популер» и в руководстве икарийским движением.

Виктор Гельтман находится под влиянием Луи Блана и принимает, как свой лозунг, изречение из «Социалистического катехизиса» Луи Блана: «Каждый—по своим силам, каждому—по его потребностям». Гельтман устанавливает (1850) семь эпох, по которым распределяется развитие к органическому порядку. Третья эпоха—пропаганда, четвертая—массовое действие, а седьмая эпоха будет временем осуществлений. Руководящие положения, установленные Гельтманом относительно седьмой эпохи, вызывают живой интерес. Национальная власть (правительство),—говорит Гельтман,—возьмет на себя дело организации и будет распоряжаться. Под понятием «рас-

поряжаться» можно подразумевать диктатуру, а в коммунах, созданных из народной массы, можно усмотреть советы. В основе понятий Гельтмана лежали взгляды Блана, в частности понятия, взятые из «Государства и Коммуны», где говорится: «Коммуна есть принцип объединения. Государство есть принцип национальности. Государство означает собой здание в целом, а коммуна—фундамент этого здания». У Гельтмана идет речь о союзе всех народов для образования всеобщего объединения и о том, что враждебные мнения не должны уничтожаться, но представители своеобразных взглядов должны уезжать за границу. «Возможно, что среди этих мнений будут и такие, которые пришли в этот мир слишком рано, но в будущем возвратятся и станут господствующими».

Можно упомянуть еще Адальберта Даража, который вместе с Ледрю-Роленом, Маццини и Арнольдом Руге был представителем европейской демократии в центральном комитете, созданном в Лондоне в 1850 году.

Когда в 1864 году в Лондоне был создан рабочий Интернационал, который должен был объединить пролетариев всех стран, чтобы добиться полного освобождения рабочего класса, то в генеральном совете находился поляк А. Зябицкий. Было установлено, чтобы рабочие каждой отдельной страны осведомляли рабочих остальных стран о своем положении; необходимо было освещать социальное положение каждой отдельной страны с целью выяснения мер, необходимых для успеха всего рабочего движения. Эта задача была возложена на секретарей-корреспондентов, которые были в генеральном секретариате представителями стран, вошедших в состав Интернационала, как его секции, чтобы осведомлять о стремлениях и требованиях своих секций. Маркс был таким секретарем-корреспондентом для Германии, Польшу представлял А. Зябицкий.

Когда от утопии перешли к науке, и сектантское движение превратилось в массовое движение, пропаганда словом сменилась пропагандой действием.

Роза Люксембург!

Рожденная в Польше, героиня борьбы за социализм, объединяющий весь мир в братстве, освобождающий весь мир.

Она показала интернациональному пролетариату пути, которые должны привести его к завоеванию политической власти, она указала средства, с помощью которых пролетариат мог укрепить завоеванную власть.

Для Розы Люксембург знание не было вещью в себе, оторванной от действия. Она превращала свои познания в действие, а так как ее знания были глубоки, то ее дело должно было быть великим.

В этом смысле Роза Люксембург—совершенный человек.

У нее нет заготовленных заранее лазеек, через которые она могла бы бежать от осуществленного действия. Она знала, что осуществление необходимо, и была убеждена, что это может совершиться только единственным путем. Следовательно, она была человеком догмата.

В эпоху релятивизма она была сильным, решительным, всецело отдающимся делу человеком и поэтому стала для буржуазного мира предметом насмешек. Буржуа упражнялся в остроумии по поводу «красной розы», потому что в его разуме нет понятия об «огненном столбе».

Она была необычайно добрым человеком, полным нежности и внутренней музыкальности. Прочтите ее письма, написанные из тюрьмы: как она сочувствовала человеческим страданиям, как она, подобно св. Франциску, переживала страдания избитых животных, но поучитесь также у нее, как можно радоваться зелени дерева, солнечному лучу, песне, стихотворению. Даже скрип песка под ногами часового воспринимался ею, как звук, связывающий с миром, соединяющий с людьми.

Она была убита в начале того движения, которое только в связи с грядущими событиями получит название германской революции.

Повсюду, где собираются во имя социализма, дух ее будет жив. «Потому что, братья, вы не можете убить духа!..».

Так заявляло о себе бытие.

Гибель не пришла. Новая жизнь расцвела, бытие приобретало новое содержание.

Возникла клеточка революции, которая должна была разрастись в великое тело.

Чувство собственной силы было так велико, что люди

отдавали свои силы и кровь для оздоровления других народов. Постоянно происходило переливание крови, польская кровь переливалась в тело европейской демократии, в тело социалистического мирового братства; кровь проливалась за революционеров, за коммунистов,—кровь за всех, кто хотел быть братом и свободным человеком.

Только эта готовность объединяла и искупала.

* * *

Правительства, старавшиеся держать свои народы в покорности и подчинении, знали, какую опасность представляет дурной пример, каким соблазном станут свобода и независимость польского народа. Надо было помешать этому во что бы то ни стало. Каждый освободительный порыв Польши надо было сломить беспощадным насилием. Россия, Австрия, Пруссия потеряли бы польские области, за счет которых они обогащались. И как можно было бы отказать народам в свободе, если бы она была предоставлена Польше?!

Маркс, умевший распутывать самые сложные обстоятельства,—и не сомневавшийся в том, что придется распутать и этот дьявольский узел (просто разрубить его!),—в марте 1870 года в письме к русской секции Интернационала высказал предположение, что насильственный раздел Польши является истинной причиной милитаризма в Германии. В свою очередь, европейский милитаризм был следствием германского. Поэтому русские социалисты должны содействовать освобождению Польши, ибо свободная Польша станет предпосылкой уничтожения милитаризма, а устранение милитаризма является предпосылкой освобождения рабочего класса.

В 1878 году, когда социалисты пользовались парламентской трибуной только для агитационных целей, как окном на простор,—ибо какая же речь могла быть убедительной для приверженцев Бисмарка после победоносной войны!—Вильгельм Либкнехт высказал в германском рейхстаге мысль, что преступления против Польши отомстятся через столетия, и предсказал, что отомщение за это преступление будет длиться до тех пор, пока не будет уничтожена историческая несправедливость.

Последовательное соотношение было следующее:

Сильные правительства — старая система — угнетенная Польша.

Польская независимость—прогресс—свободные народы.

Но правительства хотели сохранить свою мощь. Они не боялись быть угнетателями.

Ведь, в распоряжении правительств была система гнета, выработанная тысячелетиями. Не было нужды читать у древних авторов, как беспощадно некогда расправлялись с народами. Не было нужды сожалеть о неполности старых рукописей. Не было необходимости производить исследования. От поколения к поколению переходила по наследству система гнета. Способы были известны, и их применяли со свирепой жестокостью.

Пусть рычат истязуемые, плач—жалобы—стоны—вопли. Но имеется музыка, тоже создание культуры, нежные полутона, мирные звуки, заглушающие вой, которого эти люди не хотят слышать.

Ад царизма!

Виселицы, тюрьмы, казематы, ссылка в Сибирь, каторжные работы, карательные экспедиции, плеть, палочные удары...

И в других странах достаточно много вешали, и в других местах есть смирительные дома и крепости,—Новая Каледония не лучше Сибири. Жестокости совершались и в остальной Европе, но среди всех палачей царские были самыми усердными, неутомимейшими, кровожаднейшими.

Вся Польша стала тюрьмой.

Почти каждая семья заплатила свою кровавую подать.

Это было правление ужаса.

Жандармы, тайная полиция, сыщики во множестве посылались в Польшу. Жандарм контролировался полицейским, один сыщик наблюдал за другим, достаточно ли он строг. Наместник царя Александра I в Польше, цесаревич Константин, организовал повсеместный шпионаж, но и за ним самим следили, достаточно ли он жесток и беспощаден. Польский конгресс должен был оплачивать расходы на всю эту тайную полицию. В двадцатых годах прошлого столетия это стоило ежегодно 180 тысяч гульденов.

Малейший пустяк служил поводом к наказанию. Преступниками считались все. Даже дети не избегали наказания.

В мае 1823 года в Вильне пятнадцатилетний гимназист (Михаил Платер) написал на классной доске: «Да здравствует конституция 3-го мая!».

Государственное преступление!

Об этом случае было доведено до сведения виленского губернатора Римского-Корсакова. Губернатор донес великому князю Константину, который приказал предпринять расследование.

Трое учеников были приговорены к аресту на несколько дней. Но наказание не удовлетворило великого князя. Он отправил в Петербург рапорт, высказался за новое расследование, и царь приказал предпринять его.

Ведение нового расследования было поручено императорскому комиссару Николаю Николаевичу Новосильцеву.

Новосильцеву необходимо было найти заговор, ибо царь затем и послал его в Польшу, чтобы он разыскал следы заговорщиков и обнаружил тайное преступление. Много лет уже он считается царской ищейкой. Кроме того, сыск в Польше приносит доходы и почести. Новосильцев стал камергером, тайным советником, сенатором. Новая деятельность в Польше должна обеспечить ему еще более высокие награды.

С той же самой холодной жестокостью, с какой Новосильцев старался погубить Польшу с 1813 года, он теперь допрашивает, выслушивает донесения, вымучивает признания, наказывает. Если не помогают угрозы, признание вынуждается голодом или палочными ударами.

Новосильцев приказывает произвести ночной обыск у учеников. Малышей поднимают с постели, тащат их в тюрьму, и родителям запрещено видеться с ними. Мариан Пясецкий бросается со второго этажа, чтобы спастись от своих мучителей. Тераевич перерезывает себе горло. Богатые могут купить освобождение своих детей: Тышкевич платит Новосильцеву четыре тысячи дукатов, Маковецкий—двадцать тысяч рублей,—но что же делать беднякам? Мать Глазера сходит с ума, потому что ее сына не выпускают из тюрьмы.

Шесть месяцев тянется следствие.

Новосильцев открыл два литературных кружка,—не гимназические кружки, а студенческие. В 1817 году студенты виленского университета образовали союз «филоматов», любителей просвещения, а в 1820—кружок «филаретов» (друзей добродетели). Собирались, чтобы совершенствоваться в польском языке, декламировали, пели, мечтали, клялись в дружбе, но здесь имела место не только дружеская болтовня, но была этическая воля, старались подействовать друг на друга, пробудить божественную искру. К этому кругу принадлежал Адам Мицкевич.

Новосильцев, стараясь не замечать литературного характера этих сообществ, выдает их за политические организации. Юноши кажутся ему заговорщиками. Сообщения, посылаемые им царю, написаны черным по черному. Виленский университет, гимназии—гнезда преступления. Учителя и ученики—государственные преступники. Он приказывает арестовать несколько сот студентов; школы, по его приказу, закрываются, и,—заметьте!—целый ряд школ, не только в Вильне, но и по всей Литве. Преподавателей смещают с должностей. Начинается преследование. В поэме «Дзяды» Мицкевич изобразил эти мучительства, свирепое следствие, произведенное Новосильцевым, душевные и физические мучения заключенных, жестокие наказания, закончившие собой дело. В предисловии к своей поэме Мицкевич пишет: «Новосильцев получил от великого князя Константина неограниченные полномочия: он был одновременно обвинителем, судьей и палачом. Были назначены военные суды, и после долгого расследования студенты были преданы суду. Но им не было даже сказано, в чем их обвиняют, и протоколировались только компрометирующие показания. Наказания были не менее варварскими, чем судебное следствие. Многих сослали в Сибирь, приговорили к каторжным работам в рудниках, отправили рекрутами в штрафные полки, расположенные в отдаленнейших местностях Азии. Среди осужденных были малолетние и даже дети. Самым мягким приговором, постигшим учителей и учеников,—всего тридцать человек,—была высылка в Россию». В числе изгнанников был Мицкевич.

Но все это не удовлетворило Новосильцева. Осужденные будут страдать вдали от родины, большинство умрет в изгнании. А оставшиеся? Новосильцеву не хотелось оставить их без наказания. Он предписал запретить учителям приговоренных учеников публичную и частную преподавательскую деятельность, а заподозренным студентам не было разрешено закончить курс. Им запретили в будущем занимать государственные должности и общественные посты. Они были обречены на гражданскую смерть.

Вся страна оцепенела от ужаса.

Новосильцев хотел показать, что такое сила,—безоглядная, разрушительная сила.

Кибитки мчались через страну. Люди массами ссылались в Сибирь. Никто не мог поручиться за свою судьбу. За одно неосторожное слово можно было поплатиться каторжной тюрьмой, за пение гимна «филаретов» угрожали Нерчинские рудники, каторга, цепь, приковывающая к тачке.

В поэме «Дзяды» Мицкевич описывает, как происходило отправление в ссылку, к которой Новосильцев приговаривал студентов и учеников. Строки этой поэмы, посвященной мученикам за национальное дело, поразительны по своей мощи и красоте. Достаточно привести, хотя бы в прозаическом сокращении, несколько отрывков:

«Сегодня отправлено в Сибирь двадцать кибиток. Студенты. Это было похоже на парад. Было много зрителей. Я тоже смотрел. Я стоял вдали, за колонной церкви. Происходило богослужение, и церковь была полна людей. Внезапно все бросились к дверям и направились к тюрьме. Я остановился в притворе. Церковь настолько опустела, что вдали я мог рассмотреть священника с чашей и прислужника с колокольчиком. Народ стоял вокруг тюрьмы неподвижно, как стена. От тюремных ворот через площадь тянулась в два ряда пехота в полном вооружении, с барабанами, как-будто происходил большой парад. Посередине стояли кибитки...

И вот через площадь стремительно проскакал полицмейстер. На него глядели: какой герой! Он руководит великим триумфальным шествием, победоносным шествием белого царя, победителя над детьми.

Вслед за тем, по барабанному сигналу, ворота распахнулись.

Я глядел на них,—за каждым шел часовой со штыком,—это жалкие ребята, у них несчастный вид, у всех выбриты головы, как у рекрутов, и кандалы на ногах.

Несчастные!

Самому младшему десять лет. Бедный ребенок жаловался, что не в состоянии тащить свои цепи, и показывал обнаженные окровавленные ноги. Полицмейстер подскакал к нему, спросил, что ему надо. У полицмейстера сострадательное сердце: он сам осмотрел цепи. «Десять фунтов,—положенный вес...».

Вывели Янчевского. Я узнал его. У него страшный вид. Черный, изможденный, и все-таки он сохранял странное благородство. Всего год назад это был красивый жизнерадостный юноша, и сейчас он глядел из кибитки гордыми, сухими, ясными глазами. Казалось, что он утешает своих товарищей. Затем он приветствовал народ горькой и все же нежной улыбкой, как-будто хотел показать, что все это не заставляет его слишком страдать.

Я следил за его поведением и жестами. Он заметил, что народ плачет над его цепями: встряхнул цепи ногой, как бы для того, чтобы показать, как они легки для него. Ямщик хлестнул лошадь, кибитка тронулась; он снял шляпу, выпрямился и трижды громко воскликнул: «Еще Польша не погибла!..». Кибитка умчалась вдаль... Но долго еще виднелись его простертая рука, его черная шляпа, похожая на траурное знамя, голова, остриженная свирепыми палачами, его гордая голова, перед всеми свидетельствовавшая об его невинности, об его позоре. Она поднималась над черным морем голов, как дельфин над волнами, когда приближается буря. Я до сих пор вижу эту руку и эту голову. Они останутся в моей памяти, будут на моем жизненном пути, как компас, указывать мне направление, вести меня туда, где добродетель. И если я забуду их, пусть бог меня забудет на небесах...

Между тем, кибитки вытянулись длинным рядом. Одного за другим в них сажали каторжников.

Я глядел на толпу, на солдат. Лица у всех покрылись смертельной бледностью. Вокруг, хотя собралось такое множе-

ство людей, царила мертвая тишина, и я мог расслышать каждый шаг, слышно было бряцание их кандалов. Странно! Все понимали, как бесчеловечно наказание; народ и солдаты чувствовали это, и молчали,—так велик был страх перед царем.

Вывели последнего. Казалось, он отказывался итти, но бедняга просто не мог итти, шатался и пытался медленно спуститься по лестнице. Но едва только он ступил на вторую ступеньку, как свалился и остался лежать. Это был Василевский. Он сидел в тюрьме пососедству с нами. Недавно во время допроса ему дали столько палочных ударов, что с тех пор на лице у него не осталось ни кровинки. Подошел солдат, поднял его и понес, держа одной рукой, к кибитке. Другой рукой он потихоньку утирал слезы. Он нес его медленно, долго. Василевский не был в обмороке, не согнулся, как в тот момент, когда упал на землю. Он как бы оцепенел. Когда его несли, он был прям, как колонна, как-будто его сняли с креста,—так были простерты его руки, повисшие через плечо солдата. У него были страшные, белые, широко открытые глаза. В глазах у всех отразилось мучительное напряжение, из тысячи грудей одновременно вырвался глубокий, словно подземный вздох, как-будто все гробницы в церкви застонали. Стон был заглушен командой: «В ружье! Марш!». Все пришло в движение. Среди толпы с быстротой молнии мчится кибитка,—единственная кибитка, казавшаяся пустой, в ней находился осужденный, но его не было видно; только руку протянул он из соломы, слабую, бледную, как у мертвеца, и взмахнул ею, как бы прощаясь. Кибитка въехала в толпу. Ямщик разгонял толпу кнутом. Кибитка достигла церкви. В тот самый момент, когда проезжали мимо церкви, везя этого человека, похожего на труп, я услышал звон колокольчика. Я увидел пустую церковь и руку священника, поднимавшую тело и кровь господа. «Господи!—воскликнул я.—Ты пролил невинную кровь перед судом Пилата во спасение мира!—Прими же эту невинную жертву, осужденную царским судом. Она не так свята, не так велика, но так же невинна, как и ты...».

Новосильцев дал только имя всей системе. Позже появи-

лись другие имена. Угнетатели и насильники назывались Бергом, Муравьевым, при чем последний, повесивший так много людей, получил прозвище «Вешатель», затем Катков, Скалон. Трудно перечислить всех этих палачей. Их слишком много. Однако, система оставалась неизменной. За мучениками во имя национального дела последовали мученики во имя социального дела. Десятилетия страданий.

Постоянно повторялись напоминания «о недавно пролитой крови, о слезах, в которых утопает Польша». Невинные умирали за дело свободы,—их вешали, забивали до-смерти плетьми. Достаточно вспомнить, пережить в воображении страдания некоего Суминского, получившего в крепости Замостье четыреста палочных ударов. Октябрьский день 1825 года, когда это случилось, был только днем в ряду многих лет, и каждый день имела место какая-нибудь работа палача в этом же духе.

Произвол не имеет границ.

Примером того, за что наказывали и как наказывали в Польше, является судьба Валериана Лукашинского.

Лукашинский был майором. Он хотел поставить на службу национальному делу в Польше франкмасонство. В Польше имелось тридцать две масонских ложи, насчитывавших до четырех тысяч членов. Лукашинский намеревался придать национальные черты этому масонству, имевшему такой же характер, как во всех других странах. 3-го мая 1819 года Лукашинский организовал франкмасонский союз, поставивший перед собой национальные задачи.

Патриотический характер выражался в церемониях. Как в других масонских ложах, здесь было три степени: ученика, подмастерья и мастера. Каждая степень все глубже посвящала в план возрождения отечества, все полнее открывала тайну национальных задач и выдвигала обязательство патриотических действий. Мастер наставлял ученика в том, что он должен осветить ложу огнем любви к отечеству, и ученик, которого спрашивали при принятии об его имени, заявлял, что его имя «Стефан Баторий», свидетельствуя свою приверженность к польскому делу провозглашением имени короля, когда-то царствовавшего в могучей Польше. Под-

мастерье называл себя именем «Болеслава Храброго». Он знал, что друзья собираются у алтаря отечества, хотя и разрушенного, но сохранившего свой фундамент с надписью: «ad huc stat». Он произносил клятву: если нет возможности восстановить алтарь во всем его великолепии, по крайней мере, не допустить его до полного разрушения. Каждый подмастерье должен был быть готов каждое мгновение пожертвовать собой для блага отечества.

Национальное франкмасонство было тайным и нелегальным обществом. Однако, надо иметь в виду, что в то время по всей Европе были широко распространены разветвления тайных масонских лож. Во время парижского процесса свободных каменщиков в августе 1822 года, ставшего известным благодаря тому, что в этом случае впервые получила публичное освещение франкмасонская организация, обвинитель, генерал Маршанж, сделал точное сообщение о международном распространении франкмасонства. Так, с 1818 го-

да,—то-есть еще до основания франкмасонского союза Лукашинским,—Деказ, возвысившийся до сана пэра Франции и герцога Гликсбургского, министр полиции в эпоху реставрации, был, вместе с тем, генеральным мастером французских масонских лож. Монархи, если это соответствовало их политическим планам, терпели франкмасонские общества, благоволили к ним и даже оказывали поддержку. Царь Александр I, человек либеральных фраз и реакционных действий, в течение некоторого времени относился терпимо к франкмасонским союзам в России и Польше. Когда в июле 1821 года князь Васильчиков сделал доклад относительно тайных сообществ, Александр I сказал, что он сам разделял эти заблуждения, побуждал к ним других и не думает, чтобы за них надо было наказывать. На это заявление следует обратить особое вимание, потому что Лукашинский был жестоко наказан за те ошибки, к которым побуждал сам царь.

Надо принять к тому же во внимание, что Лукашинский поверил манифесту, с которым Александр I обратился к Польше, гарантируя ей защиту национальных прав. Лукашинский даже выставил в ложе бюст Александра I и поучал учеников при приеме, что Александр I пробудил отечество. Это

было вполне в духе того заявления, которое сделал Александр I весной 1818 года в Варшаве при открытии польского сейма. Речь шла даже о том, что «исполнились ваши надежды и мои желания», и было обещано расширение прав.

Таким образом, можно было полагать, что наказание за основание тайного сообщества не будет значительным, в особенности имея в виду, что уже в августе 1820 г. Лукашинский сам распустил общество,—следовательно, за два года до того, как Александр I предписал закрыть и распустить все тайные общества. Что касается основания Лукашинским патриотического союза, имевшего место позже, то об этом суд ничего не знал и, следовательно, не мог этого поставить в вину.

Тайная полиция, с Новосильцевым во главе, напала на след национального франкмасонства. Великий князь Константин, которому было сообщено об обстоятельствах дела, потребовал в сентябре 1821 года письменного оправдания и объяснения. Получив его, он пригласил к себе Лукашинского и взял с майора честное слово, что отныне он не будет принадлежать ни к какому тайному сообществу. Казалось, этим вопрос был исчерпан. Константин был заинтересован, чтобы организованная им в конгрессовой Польше и находящаяся под его командой армия была «чистой от подозрений», а Лукашинский служил в этой армии, в четвертом образцовом полку, составлявшем предмет особой гордости Константина. «Я не могу допустить,—сказал великий князь,—чтобы до императора дошло, что это случилось в армии, и именно в четвертом полку».

Однако, в непродолжительном времени Лукашинскому пришлось вступить в конфликт с великим князем. Военный суд, в состав которого, как судья, входил Лукашинский, вынес сравнительно мягкий приговор по какому-то военному преступлению. Великий князь Константин был недоволен приговором и потребовал более сурового, примерного наказания. Он привык, чтобы судьи всегда высказывались в его духе и выносили приговоры сообразно его желаниям. Обычно он даже заранее указывал судьям степень наказания, к которому они должны приговаривать. В данном случае князь потребовал приговорить преступника к десятилетнему заклю-

чению, отягченному ношением кандалов. Остальные судьи повиновались, но Лукашинский не уступил. Правда, новый приговор согласовался с требованием великаго князя, но он был возмущен, что приговор не был принят единогласно, и что Лукашинский голосовал против примерного наказания. Такой же произвол проявился потом во время суда над самим Лукашинским, с той разницей, что на этот раз судья Скжинецкий не обнаружил соответствующей твердости характера.

Лукашинский впал в немилость. Сначала 8-го декабря 1821 года он был уволен от занимаемой должности, переведен на половинное жалованье, а затем переведен в провинциальный гарнизон. Кроме того, над ним был установлен надзор. Одновременно великий князь предписал начать строжайшее следствие о принадлежности Лукашинского к тайному сообществу франкмасонов. Следствие должно было вестись самым тайным образом, чтобы тем легче было захватить намеченную жертву. Была назначена следственная комиссия, начавшая работу вполне в духе методов Новосильцева и под его руководством. После долгих усилий и вынюхивания удалось найти письмо, написанное рукой Лукашинского,—описание церемонии посвящения во вторую степень национального союза вольных каменщиков. Наконец-то нашелся документ против Лукашинского! Он был вызван в Варшаву и арестован 25-го октября 1822 года.

Лукашинскому было 36 лет, когда началось его пожизненное заключение. Надо иметь в виду, что он просидел по тюрьмам сорок шесть лет. Сначала Лукашинского отправили в Кармелитскую тюрьму. Следствие чрезвычайно затянулось, и только в начале июня 1824 года предстал он перед судом вместе с пятью своими предполагаемыми соучастниками. Военный суд применил к данному случаю исключительное положение: приговор не подлежал обжалованию. Это было незаконно, потому что обжалование приговора не допускалось только в случае сеймового суда. Но что значило согнуть суд, когда имелось в виду сломить правосудие! Осуждение Лукашинского было предопределено.

14-го июня четырьмя голосами против одного он был при-

знан виновным и приговорен к девяти годам крепостной тюрьмы. Единственный судья, не признавший виновности Лукашинского и голосовавший против его обвинения, был полковник Иоанн Скжинецкий. Председатель суда представил приговор на утверждение великого князя. Когда Константин увидал, что приговор принят не единогласно, и прочел фамилию того, кто голосовал против, он немедленно предписал вызвать к себе Скжинецкого и приказал ему признать Лукашинского виновным. Правда, для осуждения Лукашинского этот голос не представлял необходимости, потому что и без того Лукашинский был приговорен к тягчайшему наказанию, но великий князь добивался единогласного постановления. Скжинецкому было сообщено, что если он не присоединится к мнению о виновности Лукашинского, то его лишат службы и уволят в отставку.

В тот же самый день Скжинецкий присоединил к судебному акту «декларацию» о том, что на основании внимательнейшего обсуждения он не может вынести иного приговора, чем все остальные судьи, и тоже голосует за обвинительный приговор. После этого все судьи подписали приговор. Но чтобы нельзя было заметить позднейшего присоединения Скжинецкого, приговор был помечен задним числом,—14-м, вместо 16-го, как-будто уже в этот день судьи единогласно признали виновность. Таково происхождение единогласного обвинения Лукашинского. Великий князь добился своего: судьи плясали под его дудку.

Как все деспоты, великий князь Константин был склонен к резким переходам от неистового гнева к беспричинным милостям. После того как он добился жестокого приговора над Лукашинским, он предоставил его на усмотрение Александра I, ходатайствуя о помиловании. Но так уж было суждено Лукашинскому, что тем или иным путем, благодаря случайности или сознательному противодействию враждебных сил, благодаря обдуманным махинациям или стечению обстоятельств, разыгрывавшихся где-то вдали, его участь была решена. Иррациональная связь событий в жизни отдельного человека на маленькой театральной сцене мира такова: один государственный муж наслаждается жизнью в Па-

риже, кто-то покупает в Лондоне шаль, в Берлине пьют за чье-то здоровье, а его самого, для блага государственного деятеля, находящегося в Варшаве, вздергивают на виселицу. Случаю угодно было, чтобы в то время, когда Александр I знакомился с приговором с целью использовать свое право помилования, Новосильцев оказался в Петербурге. Новосильцев позаботился о том, чтобы самодержец не слишком увлекся своим правом помилования, и он не смягчил приговора. Милость царя проявилась в том, что Лукашинскому вместо девяти лет крепостного заключения даровали только семь.

2-го октября 1824 года произошло публичное разжалование Лукашинского.

Его одели в мундир майора, со всеми знаками отличия, и в открытой военной коляске под охраной сильного конвоя привезли на площадь. Войска образовали карре. Лукашинского вывели на середину площади. Два жандарма стояли с шашками наголо справа и слева от него. Солдаты взяли на-караул. Был прочтен приговор. Затем раздался барабанный бой, к Лукашинскому подошел палач, сорвал с него эполеты, офицерские шнуры и ордена. Затем он переломил над его головой шпагу. После этого к палачу подбежали его помощники, сорвали с Лукашинского мундир и одели его в арестантский халат. Голова у него была тут же обрита, и ноги закованы в кандалы. Его заставили взять тачку. В таком виде, опозоренный, в арестантском халате, он должен был тащить каторжную тачку вдоль фронта. Гремели барабаны, он медленно тащил тачку. Его лицо было бледно, но он прямо и смело глядел в глаза офицерам и солдатам, мимо которых проходил.

После этой расправы Лукашинский был отправлен в крепость Замостье. Там, как все остальные заключенные, он должен был выполнять тягчайшие работы. Летом следующего года в крепости вспыхнул бунт заключенных. Лукашинского заподозрели, что он возбуждал к восстанию. Военный суд приговорил его к смертной казни. Великий князь Константин смягчил приговор, удлинив тюремное заключение еще на семь лет. К этому он прибавил, чтобы Лукашинского

подвергли позорному телесному наказанию. Кроме ножных кандалов, на него надели ручные цепи. Проходили годы. Из Замостья Лукашинский был переведен в Гурку, оттуда в Варшаву, затем обратно в Гурку и еще раз в Варшаву. Цепи с него были сняты только в 1830 году.

Во время революции 1830 года русские были вынуждены покинуть Варшаву. Они взяли с собой Лукашинского. Его вели на веревке. По приказанию генерала Розена, он был отправлен в Бобруйскую крепость. Царь Николай I, которому было сообщено о переводе Лукашинского в эту крепость, распорядился, чтобы этого «тяжкого преступника» отправили в Шлиссельбург. Он должен был быть здесь заперт в «потаенную башню». Только комендант крепости знал имя заключенного. Больше никому не было известно, что за человек находится в одиночном заключении, и какое преступление им совершено. «Самым тайным образом, — таков был приказ царя,—должен быть Лукашинский погребен в тюрьме». Подземный подвал тайной башни был гробом, предназначенным Лукашинскому царской милостью. Никто не имел права даже упоминать о нем. Для строжайшего выполнения этих приказаний было приказано, чтобы караульный солдат ни при каких обстоятельствах не входил в камеру заключенного. Только в случае исключительной необходимости несколько солдат вместе могли войти в камеру, следя друг за другом, чтобы ни один из них не обратился к Лукашинскому хотя бы с одним словом. Пищу ему подавали через отверстие. Можно представить, долго ли он мог выдержать без воздуха, без движения, без достаточной пищи. Он не слышал уже ни одного звука человеческого голоса и вообще ни звука. Он не должен был ничего знать. Все погрузилось во мрак и тишину, и в мозгу начал шевелиться червь безумия.

Так приказал царь, и его приказание было исполнено.

По распоряжению царя ставились виселицы, по его желанию намыливалась веревка и набрасывалась на человеческую шею. Во имя его гремели трубы и пушечные залпы, он распоряжался жизнью и смертью. И он сам, царь, повелевавший всем, оставался спокоен. Все было в порядке, когда его

повеления исполнялись. Если он отнимал жизнь у отдельного человека или обрекал на гибель целый народ,—какое это имело значение, поскольку он сам благоденствовал! «Просветленная совесть»,—так озаглавливает Платен современную поэму, где он изображает спокойствие духа Николая I, его уравновешенность, чувство собственного величия и притязание на то, чтобы его произвол считался правом.

Вопрос:

— Скажи, как ты себя чувствуешь с тех пор, как ты начал издеваться над человечеством и приказал задушить целую нацию?

Ответ:

— Великолепно,—я даже танцую и провожу ночи с женщинами, пью превосходное вино и с аппетитом кушаю.

Замечание:

— Блаженное спокойствие, которое,—да простят мне земные боги!—с легкостью пены несется над вздувшимися потоками крови.

5-го января 1831 года Лукашинский был доставлен в Шлиссельбург. Через полгода должен был окончиться первоначальный семилетний срок его заключения. Но если даже прибавить срок, незаконно добавленный великим князем Константином, то Лукашинский должен был выйти на свободу не позже 1838 года. Однако, он уже никогда не покинул Шлиссельбурга.

Во время восстания 1831 года польское национальное правительство обратилось в начале мая к главнокомандующему с предложением вступить в переговоры с русским правительством об обмене Лукашинского на двух русских генералов. Но верховное военное командование находилось в руках Скжинецкого, поведение которого во время процесса Лукашинского уже выяснено. В начале восстания Скжинецкий обратился к великому князю Константину с предложением своих услуг по подавлению революции, но затем ему показалось выгоднее перейти на сторону национального дела, и, став во главе его, он не ошибся в своих расчетах.

Скжинецкий предоставил Лукашинского его собственной участи. Он ничего не предпринял для его освобождения.

В мае того же года в сейме было высказано настойчивое пожелание, чтобы обмен Лукашинского произошел возможно скорее. Предложение было принято единогласно. Национальное правительство снова обратилось к Скжинецкому, но главнокомандующий попрежнему не торопился. Между тем, произошел крах революции. Последовали другие события. О бедном Лукашинском совершенно позабыли.

Он сидел в подвале тайной башни, проводил там годы, десятилетия. Он сидел, одинокий, в этом сыром, темном каземате, и с течением времени стража совершенно утратила представление о том, что это за человек, и за что он подвергается такому бесчеловечному обращению. Только раз был дан «указ». В 1850 году шеф жандармов князь Александр Орлов запросил военного министра князя Александра Чернышева, какое преступление совершил этот седоволосый поляк, и в чем заключается приговор. Ему могли сообщить только, что некогда его величество царь Александр I лично распорядился, чтобы преступник был наказан именно таким образом, и чтобы его держали в пожизненном заключении.

По истечении двадцати двух лет Лукашинский впервые был выпущен из каземата. Он с трудом, как больной, сделал прогулку по тюремному двору. Ему было 58 лет. Сгорбленный, ослабевший старик вышел из камеры медленными, неверными шагами. Ступай, ступай, майор Лукашинский, на тюремный двор! Царской милостью тебе дарованы свет и воздух. Меряй своими старческими шагами двор, слишком обширный для тебя, ибо у тебя уже нет сил для такой большой свободы!

Бакунину случилось тогда увидать его.

Дежурный офицер не отходил от Лукашинского. К нему никто не смел подойти, никто не смел сказать ему слова.

В другой раз Бакунину удалось поговорить с Лукашинским. Он рассказывает об этом следующее: «Среди дежурных офицеров был один честный человек, относившийся к нам с сочувствием. С соблюдением строжайшей тайны он сообщил мне, что этот заключенный—майор Лукашинский. Я приложил все усилия к тому, чтобы еще раз повидать его

и поговорить с ним. Через несколько недель случилось, что Лукашинского вывели на прогулку как-раз во время дежурства этого офицера. Заранее условившись с офицером, я приблизился к Лукашинскому, стараясь, чтобы остальные заключенные не заметили этого.

Я окликнул его: «Лукашинский!».

Он вздрогнул и поглядел на меня полуслепыми глазами.

— Кто вы?—спросил он.

— Арестованный в этом году.

— В каком году?—спросил он.

Я объяснил ему.

— Кто теперь в Польше?

— Николай.

— А Константин?

— Умер.

— Как дела в Польше?

— Скоро будут лучше,—ответил я.

Внезапно он повернулся и остановился. Я видел, что его дыхание ускорилось, он огляделся кругом и затем, склонив голову, пошел дальше. Он шел медленно, своим привычным, размеренным слабым шагом.

Когда опять случилось, что на дежурстве был тот же офицер, я снова обратился к нему с вопросом о Лукашинском.

Он рассказал мне, что Лукашинский был несколько дней неспокоен и бредил. Это приписывали влиянию свежего воздуха. Затем он снова возвратился к своему прежнему полусонному состоянию.

Я спросил офицера: неужели он ни разу не обращался к этому несчастному человеку хотя бы с одним словом, ни разу не оказал ему никакой услуги? Он ответил, что в камеру Лукашинского разрешается заходить только втроем, и что, таким образом, совершенно невозможно что бы то ни было сделать для него.

Больше я не видел Лукашинского».

В течение многих лет это было первое известие о Лукашинском.

Значит, уже тогда он был полуслепым человеком, находящимся в состоянии полусна.

Когда впервые ему пришлось обменяться словом с человеком, первым его вопросом было, кто в Польше. Он узнал, что в Польше попрежнему властвует Николай. Но, кроме того, он услышал утешительное сообщение, что в Польше скоро станет лучше.

С 1831 года это был его первый разговор с людьми. Так как Бакунин находился в крепости с 1854 по 1857 год и больше не видел Лукашинского, то очевидно, что в течение этих трех лет его не выпускали из башни.

После смерти Николая I была дана амнистия, но о Лукашинском не вспомнили.

В 1858 году сестра Лукашинского подала заявление Александру II, что она не знает, жив ли ее брат, а если жив, то где он находится. Она просила разрешить Лукашинскому вернуться в Польшу, а если его уже нет в живых, то, по крайней мере, известить ее об этом, чтобы она могла молиться за упокой его души. Она не получила никакого ответа.

В этом же году обсуждался вопрос, не оказать ли Лукашинскому милость, сослав его в Сибирь. Но в случае, если бы это было сделано, предполагалось принять меры, «чтобы не произошло какого-нибудь вреда». Таким страшным казался 72-летний старик, и лишь потому, что когда-то деспот объявил его опасным преступником!

Только 9-го марта 1862 года настал момент, когда Лукашинский должен был покинуть подземный каземат. Новый комендант крепости, генерал-майор Лепарский, заявил, что он может дать положительный отзыв о Лукашинском, в течение тридцати одного года строжайшего тюремного заключения обнаружившем примерное поведение, «переносившем свою судьбу безропотно с христианским смирением», а теперь он стар, слаб и болен.

Лукашинский плакал, когда его выводили из каземата. Его поместили в камере и разрешили прогулки по тюремному двору под охраной. Несколько лет он еще оставался в живых. Все его мысли были об отечестве. В письме, обращенном к генералу Лепарскому в 1865 году, он писал: «Где я? Что со мною? Я одинок и всем чужд, как легендарный еврей, вечный странник без убежища и родины. Какое мне дело

до Петербурга, Парижа, Лондона и вообще всего мира, если я не вернусь к своей родине, к своей могиле?».

До конца он не потерял надежды вернуть себе свободу. Но даже ближайшему родственнику, просившему о свидании, было отказано.

27-го февраля 1868 года новый комендант Шлиссельбургской крепости генерал-майор фон-Гринбладт сообщил царю Александру II о смерти Лукашинского: «Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что содержавшийся во вверенной мне крепости тайный арестант Лукашинский божьей волей сегодня скончался».

Страдания Лукашинского окончились.

Жизнь и страдание Лукашинского—символ жизни и страданий целой нации. Судьба Лукашинского—не только его личная судьба,—он не исключение,—но и воплощает в себе трагическую судьбу целого народа.

Так совершалась расплата за грехи отцов.

3. „Поляки—Христос народов".

Александр I поступал либерально, но это было жалкое притворство. Он строил планы о конституционных свободах, давал обещания, но и не думал об их исполнении. Он старался только дурачить, соблазнять. Великий князь Константин, хорошо знавший своего брата, заявил с грубой откровенностью, что «честное слово царя—фальшивая монета».

Константин был демоном. Он свирепствовал, наказывал, угнетал, преследовал. В припадке ярости он бил солдат, жестоко обращался с офицерами. Штыком он хотел выполоть сорные травы мятежа. Народ был недоволен. Достаточно ему осмелиться проявить свое недовольство,—и прольются реки крови. Великий князь испытывал людей, способны ли они слепо повиноваться, или окажут сопротивление. Он возбуждал, соблазнял, провоцировал. Однажды, по его приказанию, через всю Варшаву тащили польского солдата, а сопровождавшие его солдаты приказывали, чтобы он громко жаловался на улице, что с ним плохо обращаются, и про-

сил освободить его. Если бы народ пришел на помощь, началось бы возмущение.

Если Александр I старался сохранять внешне достойный вид, поступать так, «как если бы», то его преемник Николай I не считался ни с чем. Он был чистым абсолютистом. Цепи уже не увенчались розами; зубы не оскаливались, а просто вонзались. Насилие и кнут стали откровенными средствами воздействия.

Массовые аресты в России, массовые аресты в Польше. Там—Николай I, здесь—его наместник Константин.

При таком гнете оставалась единственная возможность—восстание.

29-го ноября 1830 года в Варшаве разразилась революция.

Заговорщики ворвались в замок. Они намеревались умертвить великого князя. Они закололи вице-президента города Варшавы Любовицкого, погнались за убегавшим от них русским генералом Жандром, которого приняли за Константина, и убили его. Затем они удалились, уверенные, что Константин мертв.

Между тем, 160 польских унтер-офицеров шли по Варшаве под руководством Высокого и призывали к восстанию. Они встретили генерала Станислава Потоцкого и предложили ему стать во главе их, но он отказался. Генерал Трембецкий, встреченный ими по пути, тоже отказался принять на себя командование. После этого восставшие польские унтер-офицеры умертвили нескольких контр-революционных генералов. К населению обратились с призывом вооружаться.

Великий князь Константин со своими солдатами вышел из города и расположился лагерем.

Начало не было многообещающим. Отсутствовал руководитель, не было никакой организации. Старшие польские офицеры отказались принять участие в движении, а польский генерал Курнатовский даже предложил свои услуги Константину и привел с собой свой полк. Искали национального правительства, хотели найти диктатора. В эти решительные дни у Лелевеля был болен отец, а скрывшегося Хлопицкого нельзя было найти.

Среди поляков уже начали роптать те, кто занимал высокие правительственные посты или был настроен консерва-

тивно. Польша, видите ли, святыня; но польская революция—это нечто опасное. Таких старались успокоить, образумить, были выпущены прокламации к народу, в которых говорилось о вчерашних «печальных событиях». Должностные лица боялись революции, как чорт святой воды, к Константину была послана делегация. Любецкий и Чарторыйский умоляли его подавить восстание вооруженной силой.

Только революционный клуб, образовавшийся под именем «патриотического общества», сумел положить конец этому недостойному поведению и переговорам. Он потребовал их немедленного прекращения и начал вооруженную борьбу с армией Константина.

Когда великий князь узнал, что повстанцы намерены напасть на него, он последовал совету Хлопицкого, отпустил польские полки и позволил им вернуться в Варшаву, а с русскими войсками начал отступление. Русская армия покинула конгрессовую Польшу и вышла из ее границ.

Иосиф Хлопицкий стал диктатором. Но он начал диктатуру с переговоров. Он хотел достигнуть примирения и соглашения с Николаем I и послал в Петербург представителей для переговоров. Прошло несколько недель. Хлопицкий бездействовал, не мог решиться выступить против России. Когда его принудили к действиям, он сложил с себя диктатуру.

Собравшийся 25-го января 1831 года сейм провозгласил Николая I лишенным трона. Раздавались крики: «Нет больше Николая!». Польша объявила царю войну.

Николай сказал делегату Езерскому, отправленному Хлопицким в Петербург для переговоров, что «первый пушечный выстрел, раздавшийся в Польше, будет для него сигналом, по которому он уничтожит Польшу». Армия, насчитывавшая 150 тысяч солдат, под командой Дибича была назначена для подавления восстания.

Первое сражение было выиграно повстанцами. 14-го февраля они победили при Сточеке, но уже ближайшая битва при Вавре, 19-го февраля, были ими проиграна; они были разбиты. В конце марта и в начале апреля повстанцы снова одержали несколько побед.

Однако, во главе повстанцев стояли вожди, которые хотели не сражаться, а вести переговоры. Они были бы на месте, если бы восстание могло притти к благополучному завершению не в открытой борьбе, а путем дипломатических переговоров. Даже Скжинецкий, назначенный главнокомандующим, хотел вести переговоры с Дибичем и ждал интервенции Европы. Помощь со стороны европейских государств не пришла, но зато явилась холера...

Когда Скжинецкий после поражения, которое он потерпел при Остроленке, впал в бездеятельность, его сместили. В августе его место занял Круковецкий, но и он не в состоянии был оказать сопротивления русской армии, находившейся после смерти Дибича под командованием Паскевича. 6-го сентября Варшава подверглась штурму и капитулировала. 8-го сентября русские вступили в Варшаву. Восстание кончилось.

В ознаменование своей победы Николай I распорядился выстроить вблизи польской столицы цитадель. Крепость-тюрьма должна была постоянно напоминать полякам, что они находятся во власти царя, оставшегося победителем и повелителем в стране. Во время пребывания Николая I в Варшаве в 1835 году он приказал, чтобы к нему явилась польская делегация, но не разрешил ей говорить, а обратился сам с речью, заставив ее выслушать издевательства и угрозы. Царь заявил, что он ни в коем случае не предоставит полякам самостоятельности, что мечты о свободной Польше отошли в прошлое. «Я построил здесь цитадель,—воскликнул царь в гневе,—и заявляю вам, что стоит только возникнуть какому бы то ни было замешательству, я прикажу стрелять по городу. Я превращу Варшаву в груду развалин, так, что ее уже не удастся отстроить заново». Отсюда можно сделать вывод, что человек, который так думал и так говорил, считал своей задачей угнетать и преследовать. Снова были воздвигнуты виселицы, снова переполнились тюрьмы, «цепи звенели, как никогда». Кто мог, спасался бегством. Пусть будет конфисковано имущество, пусть берут землю,—лишь бы удалось спасти жизнь.

Тысячи эмигрировали.

* * *

Все, что было в Европе свободомыслящего, выразило свои симпатии польскому восстанию. Хотя в этом восстании вожди оказались изменниками, но повстанцы сражались среди невероятных страданий и лишений, напрягая все свои силы, ведя героическую борьбу против подавляющих сил противника. Они выступали на стороне правого дела, защищались против насильственного владычества. Все в Европе, кто не хотел реакции, стояли на стороне поляков и желали им победы. Но горячее сочувствие полякам и польскому делу не привело к организации деятельной поддержки. Манифестации в Париже, возгласы: «На помощь Польше!», резолюции в Берлине и речи профессора Эдуарда Ганса, переполненные пошлостями возвышенных чувств, не могли выбить оружия из рук солдат Дибича. Было много добрых и честных чувствований, но не было никакой готовности действовать. Добрые чувства проявились во множестве «польских песен», большинство которых совершенно немузыкальны. Даже лучшие польские песни Платена очень слабы. Да, все стали «полонофилами», видели высоко в воздухе парящего белого орла, ликовали по поводу каждой победы, плакали над поражениями повстанцев; все добросердечные люди сочувствовали тому, что деспот нисколько не испугался «смелых молний духа и громовых слов».

Реакция торжествовала. И не только в Польше. Скоро и другие народы испытали на себе николаевскую систему. В словах Гервега нет преувеличения, когда он сказал: «Пляшите поляки и немцы под одним и тем же бичом».

Если демократическая совесть чувствовала себя потревоженной, то дело ограничивалось запросами к правительству об ужасах, совершонных царизмом в Польше, и успокоительными дипломатическими ответами. Вскоре пришлось услышать заверение французского министра иностранных дел генерала Себастиани в палате депутатов, что «в Варшаве господствует порядок».

Порядок? Гранвиль дал иллюстрацию к этому сообщению:

страж порядка спокойно стоит с трубкой в одной руке, с пикой в другой, а вокруг висельники на виселицах.

Таков был порядок, водворенный Николаем в Польше, и он всем рекомендовал подражать этому порядку.

* * *

Каждый, кому удалось спастись за границу от царской расправы, имел здесь определенную задачу, которую он должен был выполнить.

Эмигрант в данном случае не был бедняком, потерявшим свое имущество и потерпевшим несправедливость, вообще не был частным человеком,—он был представителем своего народа. Его несчастье не было личным, бедствие постигло не только его, потому что все страдали в Польше, и вынесли больше, чем он. Это было национальное бедствие. Надо было жаловаться на бедствия, перенесенные всеми его земляками. Эмигрант был воплощением идеи. Он громко, перед всем миром, кричал о бесправии своего народа.

На эмигранте лежало обязательство быть примером, судя по которому, вся Европа убедилась бы в том, что его страдания имеют национальный характер. У него не было личной судьбы, он был только одним из миллионов несчастных поляков, и, вместе с тем, он должен был доказать, что его положительные качества в такой же мере присущи всему его народу. Если эмигрант выделялся, росло уважение ко всей его нации, и точно так же, если ему случалось запятнать себя, ответственность ложилась на его народ. Следовательно, он нес на себе ответственность, он имел миссию.

Он должен был возвыситься, стать выше себя, очиститься.

Каждый эмигрант становился на чужбине полномочным представителем своего народа, каждому в отдельности доверялись судьба и будущность народного целого.

Поразительно, в какой степени силы росли в соответствии с размерами выдвинутой задачи. Поразительно, как много эмигрантов поднялись выше среднего европейского культурного уровня, так, что соответственно этому повы-

сился уровень культурных европейских требований; требования, предъявляемые к избранным, повысились, и энергия действия стала более мощной.

В Европе несчастья Польши вызывали симпатии к ней, все чувствовали уважение к чистоте польской жизни. «Краполинских и Вашляпских» было достаточно среди эмигрантов, но не слишком много.

Эмигрант сыграл свою историческую роль. Его действительные заслуги не уменьшаются оттого, что у него были жалкие и достойные презрения эпигоны. Эпигоны эмигрантства обладали только внешними признаками сходства, подобно клише. Политическая и духовная жизнь в Европе скоро приобрела новое содержание и облеклась в новую форму; возникли не только национальные, но и социалистические цели. Кто остался на распутье и попрежнему во весь голос тянул свою националистическую литанию, того уже никто не хотел слушать. Таким образом, самые живые слова с течением временем стали оперной арией, драгоценнейшие эмблемы превратились в театральный реквизит. Кто стал «историческим», находит себе место в паноптикуме или в музее. Понятия стареют, вянут и протухают. «Польский беженец», «бледный чужеземец», «благородный поляк» остаются живыми, а национальная скорбь, отчаяние, разбитое сердце, слезы на глазах,—все это становится безвкусицей.

* * *

Путем восстания не удалось создать свободную Польшу. Но борьба за национальное освобождение не прекратилась. При первом удобном случае необходимо было повторить революцию, и к этому надо было готовиться. Народные массы должны были знать, что надо ждать, и знать, чего именно ждать. Необходимо было углубить национальное сознание. Нельзя было допустить забвения присяги сейма, которую приносили во время восстания по всей стране: «Клянусь добиться возвращения независимости, того положения среди народов, которое предопределено польской нации господом». Дело шло о том, чтобы никогда не исчезло про-

тиворечие между поляками и угнетателями. Надо было выдвинуть и обострить эти противоречия. Революционная тактика заключалась в том, чтобы не смягчать эти противоречия, но постоянно заострять их. Примирение невозможно, борьба неотвратима. И так как борьба неотвратима, то необходимо ускорить ее, создать все необходимые предпосылки успешного для Польши результата борьбы.

Где можно было говорить об этом? На собраниях? Но при царском правительстве они были совершенно запрещены. В газетах? Но они подвергались строжайшей цензуре.

Действительность жила в искусстве, политика стала предметом поэзии.

В неполитической стране, в роде Германии, где люди, занимающиеся духовной деятельностью, держались вдали от политики, где поэт всегда витал в облаках, совершенно теряя землю из поля зрения, постоянно приходится отмечать активность искусств в других странах, и в данном случае активность польского искусства.

В Германии часто говорят: «Грубая песня! Фи... Политическая песня!». Эти слова повторяются механически. Что бы ни случилось, поэта это не касается. Какое ему дело до мирской суеты, до мирских событий, разыгрывающихся на грешной земле? Немецкий поэт воздвигал свой престол на недосягаемой высоте. Там его царство. Он вел беседу с облаками, ветрами, играл с солнцем, луной, звездами, скитался, преображенный, по звездным путям. Если ему случалось опускаться на землю, то и здесь он имел свою «башню из слоновой кости» и мог в ней замкнуться, уйти от мира. Политические вопросы были ему безразличны, он их расценивал очень низко, почти презирал. Какое ему дело до политики? Он знал, что она губит поэзию,—этого он не хотел допустить. Поэт делал свое творчество по возможности всеобщим, отвлеченным, свободным от тенденциозности, метафизическим. «Каждая другая звезда лучше земли»,—объявлял он высокомерно и чувствовал себя оскорбленным нищетой, отсутствием гармонии. Поэт возмущался тем, что «в Германии растет рабский дух, а с ним вместе грубость. Вместе с заботами растет пьянство, а с сытостью—голод и бед-

ность». («Гиперион»). Но он не чувствовал на себе никакой ответственности и не старался улучшить положения. Со скорбью в сердце он удалялся на свои горные вершины, возвращался к своему божественному самочувствию, влюбленно грезил в солнечных лучах. Он не хотел иметь ничего общего с людьми и с их жизнью. Он был всему далек. Какую рифму можно подобрать к слову «политика»? Ритм и рифма были для него самым важным, стали самоцелью. Германский поэт не имел никакой связи с людьми, не хотел вступать с ними в какие бы то ни было отношения, у него было,—и этого для него достаточно,—свое искусство.

«Германия, где она? Я не могу найти такой страны. Где начинается мудрость, там кончается политика». Эпиграмма Шиллера и Гете о том, что Германия политики начинается там, где кончается Германия мудрости, была понята еще более широко: где существует поэтическая, духовная Германия, там вообще совсем нет Германии политической. Германский интеллигент стал аполитичен.

В Польше было иначе.

Если бы внезапно исчезли все документы польской истории, если бы не было никаких исторических книг о Польше, никаких сведений об ее истории, и сохранились только польские поэтические произведения, то по ним можно было бы воспроизвести события и деяния, развитие польской истории и связанных с ней вопросов,—до такой степени тесно было связано с национальностью поэтическое творчество.

Искусство было прежде всего поэзией современности, актуальной, действенной. Время, которым ограничена эта действенность, невелико. Поэтическое произведение актуально лишь до тех пор, пока оно действенно, то-есть пока сохраняет свою жизненность поставленная проблема (вульгарно выражаясь, содержание стихов), пока гражданина-современника касается, волнует, зажигает, перерождает то, о чем говорится в поэзии, и притом в совершенной форме. Какое тебе дело, современник, до троянского коня? Что тебе Гекуба? Активный человек требует активной поэзии. О поэтических произведениях приходится повторить то, что было сказано Уитманом об его собственной поэзии: «Друг

мой, это—не книга. Кто коснется ее, коснется человека. Это меня ты держишь в руках, я держу тебя».

В этом смысле многое в польской поэзии доныне не устарело. Гнет и преследование, являющиеся темой этих произведений, актуальны и сейчас. Ведь, мы все еще не свободны, над нами все еще нависло угнетение. Форма, степень угнетения не остались теми же. Есть различия. Современный гнет стал утонченным... Собственно говоря, более грубым, если обращать внимание не на внешнюю окраску, психологию и технику, а на самый факт гнета. Угнетение еще не отошло в прошлое, не стало историческим фактом.

Можно проверить, в какой степени до настоящего времени тяготеет над нами угнетение. Произведем подстановку. Вместо Новосильцева, Николая I, великого князя Константина, и как еще там назывались тогдашние угнетатели, можно назвать имя любого современного угнетателя. Разве не так же страдают люди, стонут, сжимают кулаки, пытаются обороняться? И нас тоже непосредственно касается проблема революции, разрабатываемая в этой поэзии. Правда, там говорится о национальной революции, а мы подготовляем революцию социальную, но наши отцы проложили нам путь, без них мы были бы бессильны.

Произведения Адама Мицкевича и Юлия Словацкого обладают законченной красотой; следовательно, политика не губит поэзии, и надо быть только поэтом, чтобы овладеть материалом. Так-называемая «поэзия» Морица Гартмана или Альфреда Мейснера убога по другим причинам: она имеет политическое содержание, но ее творцы вовсе не были поэтами. Эти стихотворения ни на грош не поднялись бы в своей ценности, если бы меч и свобода заменились в ней соловьями и сиренью.

Революционизирование совершалось через посредство поэзии. Подготовлялась революция, но только особыми средствами,—средствами, которыми владеет поэзия. Насколько опасными считались эти средства,—видно из того факта, что царское правительство запретило печатание в Польше произведений Мицкевича и Словацкого и не допускало ввоза в Польшу сочинений этих поэтов в заграничных изданиях.

Нельзя было даже упоминать в печати имена этих писателей. Их произведения стали нелегальной литературой, запрещенными книгами, распространялись в Польше тайно, и кто имел у себя экземпляр поэмы «Дзяды», должен был остерегаться, чтобы его не отправили, как штрафного солдата, на Кавказ. Николаевская цензура запретила чтение этих поэтов,—их стали заучивать на память.

Замечательно, что Мицкевич и Словацкий называются в Польше не поэтами, а «вещими», прорицателями. Этим названием определяется их право на руководящую роль, их призвание. Они — не поэты в том обычном смысле слова, какое связывается обычно в Европе с представлением о поэте-художнике. Что такое европейский поэт? Какое место занимает такой человек, и как относятся к его деятельности? Кто такой творец, и что означает его творчество? Поэтов одновременно возвышают и вульгаризируют, кадят перед ними и обесценивают их. Поэт—жрец и, вместе с тем, комедиант. Такое отношение переходит и на его творения. Оценку производителя испытывает на себе его дело. Достаточно вспомнить о Рубеке, о профессоре Рубеке-Ибсене, представителе многочисленных поколений поэтов, живописцев, скульпторов, музыкантов, об этом «милом, большом, старом ребенке», рожденном, чтобы быть художником и, несмотря ни на что, остающемся ничем больше, как только художником. Почему Рубека называют «художником»? Потому что «в этом слове заключается извинение для него. Это—отпущение грехов, простирающее свою мантию на все слабости и несовершенства». Поэт в Европе—смешение ладана и зловония. Поэта кормит из своих рук буржуазия.

Мицкевич говорил: «Имя мне легион. Во имя миллионов я страдаю и переношу мучения». Словацкий называл себя «отцом отечества», и масштаб, которым он мерял свои стихи, определялся так: в состоянии ли он был бы решиться прочесть их Христу. «Я должен сознаться,—пишет он матери,—что я не осмелился бы с воодушевлением декламировать перед Христом ни поэмы «В Швейцарии», ни остальных личных стихотворений; но описание битвы в третьем акте Саломеи или пятый акт драмы о Вернигоре я мог бы про-

честь перед ним с чистой совестью». Словацкий имеет в данном случае в виду отрывки из поэмы «Серебряный сон Саломеи».

Мицкевич и Словацкий не ограничиваются тем, что волны их поэтического восторга выбрасывают жемчуги на берег жизни. Они хотят выразить то мгновение, в которое они охвачены творческим порывом. Они ждут исхода пророческой силы, чтобы возвещать. Они стремятся не к поэзии, а к волшебству.

Пророчество обоих поэтов о Польше заключалось в том, что ее страданиями спасутся все народы. Страдания, перенесенные Польшей,—это искупление, испытание. В муках она подготовится к назначенным ей задачам. Чтобы принести спасение миру, Польша должна была принять на себя грехи народов. Она кается не только за свои грехи, но и прегрешения всех наций. Всенародный мир настанет лишь после того, как совершится искупление. Поэтому Польша должна быть пригвождена на кресте. Она—Христос народов, и должна воскреснуть. Тогда она станет незапятнанной,—искупленная искупительница.

Мицкевич перечислял языки, на которых говорил бог в течение исторического развития, и видел, что близится время, когда бог заговорит по-польски. Польша станет мировым мессией.

Эта вера в избрание Польши привела к тому, что Мицкевич с известного рода снисходительностью оценил пороки, тяготеющие на Польше. Это были, так-сказать, великолепные пороки. На эти пороки гневались, но кое-что все же оставалось. Хотели казнить скорпионами и заранее держали наготове игрушку, чтобы позабавить. Не следует замалчивать того факта, что в поэме «Пан Тадеуш» Мицкевич идеализировал пороки шляхтичей, учреждение польского государства и вообще все прошлое. Это—солнечное преображение. Как могли исчезнуть обычаи и нравы предков, как могла окончиться эта старинная польская жизнь, неужели нельзя больше вдохнуть в себя этот воздух, напоенный свежим запахом сена, не слышать более легкомысленного смеха, шума охот и криков «виват»? Неужели кончились эти танцы? «Ах, должно-быть,

это последний,—восклицает он с печалью,—посмотрите-посмотрите, юноши, на него, ведь, это последний, кто так ведет полонез!».

Из всех произведений поэта это—самое несвоевременное. Но Словацкий и Мицкевич умели быть активными и революционными, когда они провозглашали свои жалобы перед людьми, когда они рисовали ад цариізма, угрожали угнетателю, проклинали его, заклинали свой собственный народ ничего не забывать и готовиться, вооружаться на битву.

В своих статьях, написанных по-французски и напечатанных в газете «Tribune des Peuples», Мицкевич определил свое отношение к актуальным политическим вопросам. Точка зрения его суждений о политических событиях была радикальной (почти социалистической), и правительство Людовика-Наполеона в июне 1849 года запретило газету.

Словацкий называл себя «республиканцем духа» и думал, что «если бы сейчас жил Платон, он был бы тоже республиканцем».

Мицкевич восклицал, обращаясь к молодежи в посвященной ей оде, что «против оружия надо бороться оружием»...

4. Буржуазия заключает мир.

Активность проявила себя участием в освободительных войнах народов. Мицкевич создал в 1848 году в Риме польский легион; сражались за независимость Италии, спешили на помощь Венгрии, когда она восстала против австрийского деспотизма, но всеобщие ожидания были направлены на польскую революцию. Но Польша оставалась в стороне. Волнения, кое-где вспыхивавшие в Польше в 1848 году, не достигли ожидаемых размеров. Они свелись к отдельным и личным революционным выступлениям, часто героическим, но не нашедшим поддержки в населении, и были легко подавлены. Время народного восстания, массового действия еще не настало.

В следующие годы тоже часто бывало неспокойно. Часто имели место кровавые столкновения. Конфликты умножались и обострялись. Принудительный набор рекрутов, произведен-

ный с целью отдать революционеров в распоряжение военной власти, чтобы обезвредить их, имел своим следствием восстание, начавшееся 22-го января 1863 года.

Реакционная партия шляхтичей, члены которой называли себя «белыми», примкнула к восстанию, чтобы помешать проведению радикальных реформ. Свобода уже заранее была закована. Если настало время польской независимости, то неужели в Польше должна была утвердиться власть реакционеров? Прежде всего они старались не допустить, чтобы крестьянский вопрос был разрешен с ущербом для интересов шляхты. В образовавшемся национальном правительстве «белые» захватили большинство и повели восстание окольными путями. Когда радикалам удалось вытеснить белых из правительства, было уже поздно. Только в половине октября 1863 года руководящая роль в национальном правительстве перешла в руки Ромуальда Траугута, и он сделал попытку привлечь к восстанию крестьянские массы.

Однако, крестьянство было настроено недоверчиво. Сколько раз со времени раздела Польши ему давали обещания, но каждый раз лишь в том случае, если наступала крайняя нужда: тогда открывались дружеские сострадательные сердца. Манифест, клочок бумаги уже не мог залечить бедствий, причиненных десятилетиями угнетения. Поэтому восстание, неспособное с самого своего начала провести в жизнь социальное равенство, было обречено на неудачу. Те самые ничтожные права, в которых отказывала шляхта крестьянству, были проведены в жизнь 2-го марта 1864 года по предложению Милютина, Александром II, именно, уничтожение крепостной зависимости и прирезка земель в конгрессовой Польше. Царское правительство с мудрым расчетом сделало то, на что не решилось польское национальное правительство, — царь опередил его, как в 1848 году австрийское правительство опередило польский национальный комитет в Галиции, где оно уничтожило крепостное право на неделю раньше, чем это было предусмотрено комитетом.

Теперь, когда правительство наделило крестьян землей, попытка привлечь их к восстанию должна была потерпеть неудачу, и восстание было сломлено.

Пять членов национального правительства были взяты в плен один за другим в марте и апреле 1864 года и повешены в Варшаве 5-го августа.

И на этот раз шляхтичи поставили свои кастовые интересы выше общих интересов. За много лет они ничему не научились и ничего не забыли. Они проявили такое же высокомерие и такой же эгоизм, как их предки, некогда погубившие Польшу.

Шляхтичи знали, что национальное движение получит поддержку и помощь со стороны европейской демократии, а они ни к чему не питали больше ненависти, чем к основам и лозунгам этой демократии. Их воротило с души от какой бы то ни было свободы, а равенство казалось делом демагогов. Идеи переворота, направленные против них, были угрозой их гибели, расхищения привилегий.

Их лагерь был на стороне правящих. Тот, кто правил, привлекал их к участию в управлении; сохранение его незыблемой власти соответствовало их интересам.

Шляхтичи всегда тяготели к тому, чтобы сохранять согласие с правительством. И теперь они готовы были примириться с ним и заключить союз.

Когда вспыхнуло восстание 1831 года, Езерский заявил царю Николаю I, что в этом восстании принимают участие легкомысленные юноши, что нация осуждает беспорядки и не хочет иметь ничего общего с их виновниками. После усмирения восстания князь Валентин Радзивилл отправился в Петербург с депутацией, которая хотела добиться у царя Николая I прощения за «мятеж, произведенный шайкой бунтовщиков». Позже маркиз Александр Велепольский в своей написанной по-французски политической брошюре «Письмо польского дворянина к князю Меттерниху» подал своим землякам совет всецело покориться царю, в расчете на его великодушие.

И теперь тоже была сделана попытка загладить происшедшее. Сделана была попытка загладить все следы этого несчастного года. «Пожалуйста, без фантазий, господа!»—объявил им Александр II в Варшаве уже в 1856 году, но они понимали, что прежде всего придется похоронить все фантазии о независимости. Ведь, если эти фантазии созреют, их

плодами будут права человека и равенство. А этого они не хотели.

Теперь все усилия были направлены против революционной романтики, презирали, высмеивали революционеров, произносящих это слово с раскатом на три «эр», напоминали им о любви к отечеству, ставили вне национального общества.

Суровая школа действительности была пройдена. Пора было, наконец, начать считаться с фактами. Факты говорили слишком громко, чтобы можно было притворяться глухими. Надо было держаться спокойно, сохранять благоразумие, ясность ума, работать, исполнять свои обязанности и воздавать кесареви кесарево. Только при этих условиях можно было с пользой служить отечеству.

Проповедывались лойяльность, повиновение закону и законодателю. Личность повелителя объявлялась священной. Делегация галицийской шляхты явилась к императору Францу-Иосифу с приветствиями и засвидетельствовала свою покорность словами: «К тебе, о, всемогущий государь, мы прибегаем и вокруг тебя объединяемся!». Такова была программа на будущее. В Галиции вступили на путь примирения с Веной, в конгрессовой Польше — с Петербургом, а много лет спустя не было недостатка в попытках соглашения даже с Берлином. При дворе Вильгельма II на короткое время появился Костельский-Адмиральский.

Но, видимо, поведение шляхты не было многообещающим, если буржуазия не примкнула к ней. Однако, шляхта командует: весь фронт поворачивается, и буржуазии приходится равняться. Буржуазии свойственно создавать соответствующую теорию немедленно вслед за тем, как что-либо проводится на практике. Шляхтич подчинялся своим инстинктам, а буржуа руководился теоретическим обоснованием. Шляхтич действовал в соответствии со своими традициями. Буржуа делал то, что приказывал ему шляхтич, но доказывал на основании тезисов, что это его собственное желание, его стремление и самостоятельно поставленная задача. Это носит название буржуазной идеологии.

И это вполне доказывается поступками буржуазии.

Только «органическая работа» может спасти отечество.

Когда разовьется промышленность, когда расцветет торговля, когда буржуа построит фабрики, засадит поля сахарной свеклой, засеет гречиху, начнет гнать спирт,—он спасет отечество. Сражаться за отечество—это означает следующее: сидеть за конторским столом, мерять ситец аршином, с утра до поздней ночи корпеть над счетоводными книгами и торговаться.

Молись и трудись!

Надо быть трезвым. Надо быть положительным. Надо быть расчетливым.

Буржуа жаждал обогащения и стал толковать об идеалах материализма.

В 1874 году в Варшаве открылась сельскохозяйственная и промышленная выставка, за которой через три года последовала промышленная выставка в Галиции. Были представлены доказательства предприимчивости.

В 1871 году в конгрессовой Польше было 76 тысяч фабричных рабочих, а в 1880 г. насчитывалось уже 120.763 фабричных рабочих и 14.623 горнорабочих.

Лодзь, польский Манчестер, необычайно выросла. Этот промышленный город стал, по выражению Реймонта, «обетованной страной». Появился деловой человек, «лодзинский человек».

В Галиции начали «сверлить» землю. Что все ароматы Аравии в сравнении с запахом нефти, добываемой в Бориславе или Сходнице! Хлынули английские и американские капиталы.

Выросли богатства, выросли очень большие богатства. Можно было начать конкуренцию.

И по каждому поводу говорили: «Польша!». За стаканом пива: «Польша!», в газете: «Польша!», в мещанской управе: «Польша!».

Цензура начала пропускать произведения Мицкевича и Словацкого. Они стали безвредными. Буржуа перерос их. У него теперь были другие идеалы, более позитивные стремления. Эта поэзия хороша для воскресного чтения, ибо не единым хлебом сыт будет человек. Правительство разрешило почтить Мицкевича памятником в Варшаве.

Привыкли выражаться: «наша промышленность», «наше сельское хозяйство», «наш мужичок». «Парадного пейзана» стали таскать на все патриотические праздники.

Воцарилась гармония. Наступило примирение, эпоха приспособления.

А, между тем и между прочим, песня: «Еще Польша не погибла...».

В военном суде во время процесса польских революционных социалистов, принадлежавших к организации «Пролетариат», оппортунист Спасович заявил о социалистах-обвиняемых: «Эти, вот здес, вовсе не поляки».

5. Красное знамя.

Буржуазия заключила мир и занялась делами.

В Польше развивался капитализм. Капиталистическая система производства все более пролетаризировала широкие народные массы. Рабочие и в Польше были рабами заработной платы. Своим трудом они создавали всеобщее богатство, перенося весь гнет, всю эксплоатацию.

Пролетариат,—так заявили первые польские социалисты,—несчастнее, чем сама Польша. Интересы пролетариата выше национальных интересов. Освобождение пролетариата совершится путем социальной, а не национальной революции.

Это звучало отказом от национальной идеологии, разрывом с патриотизмом. Ведь, завоевание национальной свободы не будет означать для рабочего экономического освобождения, и даже в независимой Польше ему придется жить под ярмом капитализма.

Никакие национальные границы не отделяли польских пролетариев отъ пролетариев других стран. Рабочие в Польше имели те же интересы, что и рабочие во всем мире. У них был общий враг—владелец капиталистической прибыли, буржуазия. Пролетарии всех стран должны объединиться, чтобы низвергнуть врага. Они повсюду сбросят цепи экономического рабства, чтобы завоевать не отечество, а весь мир.

Первые польские социалисты вступили на путь интернационализма.

Они были смертельными врагами буржуазного общества и такими же смертельными врагами правительства, стоявшего на-страже интересов буржуазного общества. Они не обманывались в том, что это правительство, как и все имущие классы населения, будет подавлять социалистическое движение всеми средствами насилия, и решили противопоставить силу насилию правительства и предпринимателей.

Это были революционные социалисты.

В программе, опубликованной 1-го сентября 1882 года, они заявляли:

что намерены призывать рабочих для сопротивления всем формам эксплоатации;

что против капиталистов, которые безчеловечно обращаются с рабочими и прибегают в борьбе с ними к помощи полиции, будет применен террор;

что в борьбе против деспотизма они руководятся только одним принципом: будут применяться все средства, ослабляющие правительство и дезорганизующие его.

Программа рисовала экономическое и культурное состояние рабочего класса; были выставлены политические требования, намечены средства борьбы, изложены идеи и цели социализма.

Этой программе предшествовала многолетняя социалистическая пропаганда.

Студенты университета, воспринявшие социализм, вели агитацию среди рабочих. Чтобы установить общение с рабочими, некоторые из них изучали ремесло, поступали на фабрики и в мастерские. Первая рабочая организация, созданная в 1878 году, носила название «кассы взаимопомощи». Она насчитывала первоначально только полтораста членов.

Но число сторонников возрастало непрерывно. Вскоре началась борьба против правительства и предпринимателей. В августе 1879 года правительство арестовало восемьдесят социалистов. Они были присуждены к тягчайшим наказаниям. Их подвергали в тюрьмах жестокому обращению и пыткам, им приходилось переносить ужасающие зверства. Фельдфебель Клещинников застрелил восемнадцатилетнего Иосифа Байте, осмелившегося приблизиться к окну своей камеры.

Но ни тогда, ни позже никакие преследования не в состоянии были подавить социалистическое движение.

В конце 1881 года в Варшаву вернулся Людвиг Мариинский, бежавший за границу от тюремного заключения. Под его руководством началась оживленнейшая агитация. В 1882 году движение развилось настолько, что была создана социалистическая партия, первая польская социалистическая партия, получившая название «Пролетариат». В Варшаве, Лодзи и Жирардове были организованы большие стачки. Рабочие поняли, что они могут добиться улучшения своего экономического положения только путем объединенных и солидарных действий. Они принуждали предпринимателей к уступкам, выставляли требования и добивались их удовлетворения. Это укрепляло классовое сознание рабочих, они становились силой, когда умели применить силу. Каждый раз, когда борьба заканчивалась увеличением заработной платы, это имело значение не только улучшения экономического положения, но и моральной победы.

Была устроена подпольная типография, напечатавшая ряд прокламаций. Кроме того, в течение восьми месяцев, до мая 1884 года, было выпущено восемь номеров рабочей газеты «Пролетариат». С величайшей затратой энергии их распространяли по фабрикам и мастерским. Когда варшавский полицмейстер Бутурлин в феврале 1883 года распорядился, чтобы фабричные работницы, как проститутки, регулярно подвергались медицинскому осмотру, партия выпустила воззвание, распространенное в тысячах экземпляров. Рабочие откликнулись на призыв партии и решили оказать сопротивление. Бесстыдное полицейское распоряжение было отменено.

Правительство пыталось ослабить партию массовыми арестами. В течение 1883 и 1884 гг. было арестовано до двухсот членов партии, в большинстве сосланных затем в Сибирь. По приказу из Петербурга, 29 членов партии были преданы военному суду в Варшаве. Хотели создать процесс всей партии.

В защитительной речи на суде Людвиг Мариинский изложил, кто такие социалисты, и чего они хотят. В частности он сказал следующее:

«До сих пор перевес был на стороне привилегированных классов, на стороне буржуазии и дворянства. Рабочий класс, выступивший на политическую арену, должен их организации противопоставить свою собственную организацию, должен вести борьбу за свои идеалы против существующего строя. Рабочий класс, ведущий борьбу под знаменем социализма, берет на себя эту задачу. Он является противовесом всем остальным общественным классам и оказывает противодействие реакционным стремлениям. Рабочая партия стремится к коренному преобразованию социального строя, и уже теперь должна начаться подготовительная работа, задача которой состоит в том, чтобы учить рабочих сознательно выступать на защиту своих интересов и призывать их к постоянной защите своих прав. Рабочая партия организует и дисциплинирует рабочий класс, руководит им в борьбе против правительства и привилегированных классов.

Наша цель—пробудить рабочее движение и организовать рабочий класс Польши.

Рабочая партия стремится улучшить положение рабочих и указывает средства, при помощи которых они могут добиться этой цели. Симпатии рабочих на нашей стороне, и это наполняет нас гордой уверенностью, что посеянное нами семя пустит ростки.

Мы—враги правительства, но ложно было бы считать нас патриотами в политическом смысле этого слова, потому что мы не придаем никакого значения национальным различиям.

Мы—враги имущих и привилегированных классов, которые в нашей стране, благодаря своему развитию и политическим традициям, являются опасным противником.

Прежде всего мы пропагандируем основные положения социализма, показываем пролетариату идеал будущего общественного строя, к которому он должен стремиться.

Кроме того, мы ведем агитацию за насущные проблемы повседневной жизни, в которых заинтересован рабочий класс, и объясняем рабочим, каким образом защищать свои права и как отстаивать их в каждом данном случае. Наша агитация не осталась бесплодной, и это вы можете понять из того факта, что варшавский полицмейстер вынужден был отменить

изданное им распоряжение о санитарном осмотре фабричных работниц».

Варынский объяснил необходимость террора. Он указал причины, по которым партия вынуждена применять экономический террор. Только после того, как перестанут действовать причины, вынуждающие к политическому и экономическому террору, можно будет отказаться от него. Варынский опроверг доводы прокурора, будто социалистическая пропаганда имеет своим следствием пагубные конфликты и катастрофические потрясения. Что значат эти катастрофы в сравнении с повседневными катастрофами современного общественного строя? Капитализм требует ежедневно больше жертв, чем война. Во время русско-турецкой войны 1877 года число раненых солдат доходило до семи процентов. А в России, согласно статистическим данным Погожева, ежегодно выбывает из строя от травматических заболеваний 20% рабочих, которые становятся жертвами увечий, причиняемых машинами и другими орудиями.

Против этого общественного строя, допускающего, чтобы рабочих угнетали, эксплоатировали, истребляли, поднимается буря восстания. «Я честно служил своему делу,—закончил Варынский,—и готов за него умереть».

Осуждение обвиняемых было предопределено заранее. Судьи, всецело подчиненные предрассудкам своего класса, выступили представителями точки зрения этого класса и хотели обезвредить своих противников. Они были убеждены, что можно спасти существующий строй, устранив виновников движения, не понимая, что устранение вожаков еще никогда не в состоянии было прекратить движение. Прокурор даже требовал смертной казни для 26-ти обвиняемых. Он был уверен, что наказание может оказать устрашающее действие.

Вынесенный 20-го декабря 1885 года приговор был достаточно жесток: шесть обвиняемых были приговорены к смертной казни, восемнадцать—к шестнадцатилетней каторге, двое—к десяти годам и двум месяцам каторги, один—к восьми годам каторжных работ и двое—к ссылке в Сибирь.

28-го января в варшавской цитадели были повешены четыре

членов партии «Пролетариат»: Станислав Куницкий, Петр Бардовский, Иоанн Петрушинский и Михаил Осовский.

Они пошли на смерть с возгласом: «Да здравствует социальная революция!».

Социалисты, принадлежавшие к партии «Пролетариат», были интернационалистами. Независимость Польши не была для них самоцелью, потому что решение национальной проблемы не могло привести еще к освобождению рабочего класса. Они ставили перед собой исключительно социалистические цели, стремились к социальной революции и диктатуре пролетариата.

Расхождение во мнениях по национальному вопросу повлекло за собой раскол партии.

Уже в 1881 году возникла организация «Польский народ», находившаяся под руководством Болеслава Лимановского. Были выставлены национал-социалистические требования, велась борьба за национальную революцию, за независимость Польши. Социалистическое движение было втиснуто в национальные рамки. Социал-патриотическое направление выступило против интернационального. В следующие годы много раз происходили партийные перегруппировки, расколы и новые объединения. Наконец, социалисты патриотического направления объединились в партию польск социалистов (П. П. С.), «Польская социалистическая партия, — говорилось в программном извещении «Утренней Зари», в № 5 за 1893 год,—признает все цели и пути, необходимые для объединения национальных сил, чтобы привести к их победе». Эти программные заявления подчеркнули национал-социалистический характер партии. Противоположность основным положениям интернациональных социалистов партии «Пролетариат» выразилась совершенно отчетливо. Основной целью была независимость Польши.

Национал-социалисты рассчитывали на поддержку социалистических партий других стран и ссылались на то, что вожди и теоретики социализма неоднократно высказывались за независимость Польши.

В частности Лассаль в ноябре 1863 года предложил членам Всеобщего германского союза рабочих резолюцию в защиту

Польши. «Поляки проделали,—как писал Лассаль в мотивировке этой резолюции,—мощную предварительную работу объединения, подготовляя солидарную политику европейской демократии... Своей более чем столетней борьбой против России поляки дали исключительный пример героизма и выдержки. Они являются для всех национальностей образцом народа, способного на жертвы, когда дело идет об его национальном существовании».

Маркс тоже торжественно протестовал против угнетения Польши на митинге в Мартин-Голле 28-го сентября 1864 года и высказывался за ее национальную независимость.

На той же точке зрения стоял Вильгельм Либкнехт. В 1868 году на рабочем митинге в Нюренберге, в статьях, изданных им в 1878 году под заглавием «Станет ли Европа казацкой страной», в речах, произнесенных в рейхстаге, он доказывал необходимость восстановления Польши.

Но позиция Лассаля, Маркса и Либкнехта означает только то, что в эпохи, когда национальное движение рассматривается как средство усиления рабочего движения, можно пользоваться и этим средством.

Борьба должна вестись за интернациональный социализм. Социализм должен был принести с собой освобождение Польши, но это освобождение должно быть не только национальным, но и совершиться через социализм. После окончательной победы пролетариата во всех странах не может быть национальной борьбы. Польша, которая достигла бы своей независимости не через посредство социализма, может стать политически самостоятельной, но не социалистической Польшей.

Факты засвидетельствовали правильность этого взгляда.

После мировой войны возникла «независимая Польша».

Но в «свободной Польше» рабочие и крестьяне попрежнему находятся под властью тех же господствующих классов, которым принадлежала руководящая роль в национально несвободной Польше, под властью шляхты и буржуазии. Независимость Польши не принесла с собой политического и экономического освобождения рабочих и крестьян.

«Независимая Польша» стала вовсе не социалистической, а

националистической и империалистической. В этой Польше господствуют капиталистические интересы, она вступает в братский союз с капитализмом других стран против пролетариата для борьбы с интернациональным социализмом. В интересах капиталистической Европы Польша вела войну против Советской России, а сознательный пролетариат всех стран старался помешать этой войне и противодействовать ей.

Только социальная революция освободит Польшу. Только коммунистическая Польша станет по-настоящему свободной Польшей.

Однако, социальная революция в Польше ни в коем случае не пойдет теми путями, какие намечают для нее 35 депутатов польской социалистической партии в «законодательном сейме», посредством участия социалистов в коалиционном правительстве, путем реформизма или охраны набальзамированного трупа Второго Интернационала.

Социальная революция в Польше будет совершена пролетарскими массами. В Польше, как и во всем мире, революционный социалистический пролетариат захватит власть и будет защищать ее через посредство диктатуры пролетариата. Так, наконец, осуществятся в действительности освобождение рабочего класса, социалистический строй, братство и равенство.

И не только Польша, но и весь мир слышит уже призывные сигналы.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От Издательства.	3
1. Не было недостатка в предостережениях.	7
2. За грехи отцов	26
3. „Поляки—Христос народов".	50
4. Буржуазия заключает мир.	62
5. Красное знамя.	67

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП, Москва, Воздвиженка, 9.

Библиотека международной политики.

Анжеран. Лотарингские границы и сила Германии . . . . . 1 р. 20 к.
Каутский, К. Эльзас-Лотарингия . . . . . — „ 90 „
Лапинский. Оккупация Рура и развал Европы . . . . . — „ — „
Лемонон, Э. Очерк истории англо-французских отношений. . . — „ 70 „
Пейеримгоф и Гебар. Финансовые интересы Франции . . . . — „ 50 „
Пинон, Го Шиллер, Хассерт. Проливы. (Сборник). . . . . — „ 60 „

В ПЕЧАТИ:

Банзе Аравия.
Геббинс, Д. Япония.
Гельферих, К. Накануне мировой войны.
Лемонон, Э. Англия и Германия.
Морель, Э. Д. Десять лет секретной дипломатии.
Оствальд, П. Современная Япония.
Пинон и Вендель. Албанский узел. (Сборник).
Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке.
Фоссей Джон Кобб Херншоу. Европейские коалиции, союзы и согласия с 1792 г.
Шульце, Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть
Юнг. Аравия и европейские державы.

Капиталистический мир после войны.

Арслан. Современная Турция. . . . . — р. 25 к.
Бранд, Е. Торжество и падение Пилсудского. . . . . — „ 15 „
Варга. Закат капитализма. (Разошлась). . . . . — „ — „
Виленский, В. Советская Россия у берегов Тихаго океана. . . . — „ 30 „
Гальперин, С. Современная Бельгия. . . . . — „ 20 „
Иорданов. Балканы после войны . . . . . — „ 20 „
Иоффе, А. Генуэзская конференция. (Разошлась). . . . . — „ 12 „
Керженцев, П. Ирландия . . . . . — „ 20 „
Кон, Ф. Кризис буржуазной Польши (Раз.) . . . . . — „ 25 „
„ Замыслы буржуазно-шляхетской Польши. (Раз.) . . . . — „ 10 „
Красный, Ю. Польский фашизм. (Раз.). Печ. 2-ое изд. . . . . — „ 25 „
Майский, И. Советская Россия и капиталистический мир. (Раз.). — „ 45 „
Мартынов, А. Распад капиталистической Европы и Коминтерн. . — „ 15 „
Осинский, Н. Мировое хозяйство в оценке наших экономистов. — „ 30 „
Павлович, М. Советская Россия и империалистическая Япония. — „ 48 „

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Воздвиженка, 9.

Павловский, Е. Банкротство Германии . . . . . — р. 60 к.
Поль Кэтэ. Германия накануне Октября . . . . . 1 „ — „
Раковский, Х. Накануне Генуи. . . . . — „ 6 „
Сен-Катаяма. Капиталистическое наступление в Японии. . . . — „ 20 „
Смолянский, Г. Под мечом капитала. (Раз). . . . . — „ 10 „
Стоклицкий, А. Рур. (Раз.). . . . . — „ 10 „
Фостер Вильям. Волны рабочей революции в Германии, Италии и Франции в 1918—21 гг. . . . . — „ 14 „
Шлихтер, А. Наша соседка Финляндия. Изд. 2-е. . . . . — „ 6 „
Шубин, И. (Самарин). Париж—Варшава—Вильна. . . . . — „ 50 „

В ПЕЧАТИ:

Амтер, И. Революционное движение в С.-А. Соед. Штатах.
Кампфмейер. Фашизм в Германии.
Рейснер и Роскольников. Афганистан и английский ультиматум.
Рид, Джон и Амтер. Капитализм и рабочее движение в Америке.
Иоэльсон. Крупно-капиталистические об'единения в современном мировом хозяйстве.

О Германии.

Анжеран. Лотарингские границы и сила Германии. . . . . 1 „ 20 „
Дран и Леонард. Подпольная литература в Германии. . . . . — „ 90 „
Зиновьев, Г. Проблема германской революции. . . . . — „ 35 „
Какое нам дело до германской революции. (Крестьян. серия). — „ 10 „
Кантор, Е. Германия прежде и теперь. (Крестьян. серия). . . — „ 7 „
Каутский, К. Эльзас-Лотарингия. . . . . — „ 90 „
Майский, И. Современная Германия. . . . . — „ 70 „
Меньшой, А. Мы с вами в Берлине. . . . . — „ 20 „
Мерінг, Ф. История Германии с конца средн. веков. (Печ. 3-е изд.). — „ 80 „
Павловский, Е. Банкротство Германии. . . . . — „ 60 „
Поль, Кэтэ. Германия накануне Октября. (Раз.). . . . . 1 „ — „
Радек, К. Перед новой волной революционных потрясений. . . — „ 60 „
„ Грядущая германская революция и рабочий класс России. — „ 15 „
Сборник. Германская революция и международное положение. . — „ 10 „
Стоклицкий, А. Рур. (Раз.) . . . . . — „ 8 „
Энгельс, Ф. Сила и экономика в образовании Герм. империи. . — „ 30 „

В ПЕЧАТИ:

Бронский. Германия на распутьи.
Гражданская война в Германии. (Крестьян. серия).
Кампфмейер. Фашизм в Германии.
Корш. Рабочее движение и фабр.-зав. советы в Германии.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Воздвиженка, 9.

Лапинский. Оккупация Рура и развал Европы.
Леонтьев, Н. Коммунистическая партия Германии.
Лемонон, Э. Англия и Германия.
Лившиц. Профсоюзы Германии перед революцией.
Немецкие и русские крестьяне. (Крестьян. серия).
Павлов. Германия и Россия.
Русский хлеб и рабочая Германия. (Крестьян. серия).
Солнцев. С. Германия и рейнско-русская проблема.

О Польше.

Бранд, Е. Торжество и падение Пилсудского . . . . . — р. 15 к.
Ежовер. От национальной революции к социалистической . . . — „ 40 „
Кон, Ф. Кризис буржуазной Польши. (Раз). Печ. 2-е изд. . . . — „ 25 „
„ Замыслы буржуазно-шляхетской Польши. (Раз). . . . . — „ — „
Красный, Ю. Польский фашизм. (Раз). Печ. 2-е изд. . . . . — „ — „
Польша и мы. . . . . . — „ 8 „
Польша и поляки. . . . . . — „ — „
Кому нужна вражда народов . . . . . — „ 9 „
Шубин, И. Париж—Варшава—Вильна. (Раз). . . . . — „ 50 „

О фашизме.

Нин, А. Профсоюзы и фашизм. . . . . — р. 12 к.
Красный, Ю. Польский фашизм. (Раз.). Печ. 2-е изд. . . . . — „ 25 „
Цеткин, Кл. Наступление фашизма и задачи пролетариата. . . — „ 20 „
Аквила Джулио. Фашизм в Италии. . . . . — „ 50 „
Кун. Фашизм в Венгрии. . . . . — „ — „

Вопросы организации труда и хозяйства.

Гриневич, В. Профессиональное движение рабочих в России.
Ч. I. 3-е изд. (Разошлась) . . . . . 1 р. 65 к.
Каплун, С. Охрана труда в новых условиях. (Разошлась) . . . — „ 25 „
„ Охраняйте детский труд . . . . . — „ 12 „
Кекчеев, К. Как надо работать (живая машина). (Разошлась) . — „ — „
„ Как повысить производительность труда. (Разошл.). — „ 30 „
Керженцев, П. Памятка организатора . . . . . — „ 35 „
Койранский, Б. Профессиональные отравления и борьба с ними. — „ 40 „
Кузовков, Д. Азбука финансовой политики. (Разошлась) . . . — „ 75 „

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГПП. Москва, Воздвиженка, 9.

Мешковский, П. Социальное страхование в РСФСР . . . . . — р. 12 к.
Мещеряков, Н. Кооперация в Советской России. (Разошлась). — „ — „
Сарабьянов, В. Промышенность . . . . . — „ 3 „
„ Промышленность. Вып. 2. (Разошлась) . . . — „ — „
Сыромолотов. Что такое государственный бюджет . . . . . — „ 75 „
Тулайков, Н. Организация распространения с.-х. знаний в населении С.-Штатов . . . . . — „ 20 „
Хлебников, Д. Что такое научная организация труда. (Разошл.). — „ — „
Чекин, А. (В. Яроцкий). Работница и профсоюзы. (Разошлась). — „ — „

В ПЕЧАТИ:

Керженцев, П. Борьба за время.
Штерн, Э. Прикладная психология.
Яроцкий, А. Азбука профессионального движения.
Рюлэ, О. Пролетарское дитя.

Советское строительство и законодательство.

Альский. Наши финансы . . . . . — р. — к.
Гойхбарг, А. Основы частного имущественного права . . . . — „ 65 „
Кантор. Что сделала Советская власть для нац. меньшинств. . . — „ 12 „
Каменев, Л. Налоговая политика в деревне . . . . . — „ 15 „
Катаев. Наша жилищная политика . . . . . — „ — „
Левин. Налоги и крестьянство. 2 дополненное изд. . . . . — „ 40 „
Попова, О. Советская система денежных налогов . . . . . — „ 6 „
„ Общегражданский налог . . . . . — „ 3 „
Приградов-Кудрин. Что такое жилищное товарищество . . . . — „ 4 „
Смушков. Экономическая политика РСФСР . . . . . — „ 60 „
Трайнин. СССР (Союз Советских Соц. Республик). (Разошл.) . — „ 25 „
Троцкий, Л. Основные вопросы промышленности. (Разошл.) . . — „ 25 „

...отека
...та Ленина
...ЦК В.К.П. (б.)

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Цена 40 коп.

ИЗД—ВО КРАСНАЯ НОВЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиженского пер.).

ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.